

For all the beautiful things that I love,
For everything beautiful in this world...

Никита Денисов

ГРОМКИЕ ЧУВСТВА

Nephew's rights

18+

Никита Денисов

Громкие чувства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69920206

SelfPub; 2023

Аннотация

Если вы не читали эту книгу, значит, не пробовали высших наслаждений. Не вступали в интимную, любовную связь, контакт, который сводил бы вас с ума. Только одно слово этой книги. Белоснежный ангел будет лежать у ваших ног, обнимая колени, и слёзы будут капать из его глаз, полных райским благоговением.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3.	29
Глава 4.	41
Глава 5.	56
Глава 6.	72

Никита Денисов

Громкие чувства

Глава 1

Мишель Джонсон вышел из своей машины, потрясающего красного мустанга, и направился в ювелирный магазин, известный на Монмартре своими роскошными коллекциями. Очень красивая молодая женщина со светлыми волосами безупречной элегантности встретила его широкой улыбкой за сверкающей стеклянной стойкой.

– Здравствуйте, мистер Джонсон, как вы поживаете? Я очень рада видеть вас снова!

– воскликнула прекрасное создание, которое буквально лучилось, пожирая его своим голубовато-бирюзовым взглядом.

– Хорошо, спасибо. Вы получили мой заказ?

– Да... да, конечно, ответила она, слегка колеблясь.

Резкая улыбка на ее тонких губах лишила ее блеска ее синтетической красоты.

– Я принесу это вам прямо сейчас, сэр.

Молодая женщина, при всей своей красоте, обычно такая обходительная и привыкшая угождать, была разочарована холодный, бесстрастный тон, которым пользовался ми-

стер Джонсон. Тем не менее она поклялась себе использовать все свое обаяние, чтобы соблазнить его во время его следующего визита. Сотрудница выбрала более сексуальный наряд сегодня утром, даже зная, что утром мужчина зайдет в ювелирный магазин.

– Вот и два маленьких чуда, – снова беззлобно пошутила она. У нас возникли

трудности с этим заказом, потому что они сделаны не вчера! Чтобы угодить вам, были привлечены наши крупнейшие поставщики. Несмотря на переполняющий блондинку энтузиазм, добавленный к его желанию удовлетворить его, Мишель не слушал его. Как только она изящным жестом открыла шкатулку, обитую черным бархатом, ее глубокий серый взгляд погрузился в созерцание сережек, украшенных искусственным жемчугом. Долгое время он оставался таким... молчаливым. Продавщица невозмутимо наблюдала за ним. На нем была облегающая белая рубашка, которая обнажала мускулатуру его рук. Его тонкие черты лица, мощная челюсть и пухлые губы придавали ему вырвался вздох. «Из него получился бы такой восхитительный любовник», сказала она себе, охваченная любовным томлением. "Печаль, отразившаяся на лице этого человека, склонившегося над кудрями, заставила ее заподозрить моральное страдание, заброшенность. «Какая женщина может отказаться от такого великолепного человека? она взбунтовалась. "Однако Мишель казался более доступным, мягким и доступным. Молодая

ювелир знала, что за каждым украшением скрывается своя история. Пусть каждый из них обладает памятью, силой ... способной раскрыть вечную любовь или разбитое сердце. Величие души прекрасной Виолетты на этом заканчивалось, поэтому в тот момент, когда она увидела страдание, которое охватило этого великолепного мужчину, безумная надежда мелькнула в его искрящемся желанием взгляде.

– Это точно она, сэръ?

– Да...

– Может быть, это подарок для подруги? Вы хотите, чтобы я их упаковал? – спросила она наконец изысканным голосом, стараясь удержать сережки в своем

сознании. Мишель выпрямился, выходя уставшим. Его по-прежнему кроткий серый взгляд остановился на молодой женщине. Взволнованная, Виолетта воспользовалась этим.

– Есть ли что-нибудь еще, что могло бы вас порадовать, мистер Джонсон? Не стесняйтесь, я к вашим услугам, – осмелилась она, подарив ему лучезарную улыбку, которая говорила о многом.

– Нет, без упаковки, спасибо,-отрезал он, бесстрастно взглянув на нее. Я с вами разберусь. Я тороплюсь. У Виолетты было такое чувство, будто она приняла холодный душ. Уязвленная в своем самолюбии, она внезапно почувствовала себя несчастной – мучительное чувство, о котором она никогда раньше не знала. Она только что поняла, что загадочный мистер Джонсон догадался его намерениям и не бы-

ло никакого желания отвечать на них. Хуже того, он высокомерно положил этому конец. Несмотря на этот неприятный опыт, Виолетта уже простила ему его дурные манеры. Она не могла винить такого несчастного человека... Тем не менее, движимая естественным любопытством, она не могла не задаться вопросом, следя за ним глазами, когда он выходил из ювелирного магазина, кому предназначались серьги? Мишель тут же вернулся в свой красный "Альпин". Спортивный автомобиль теперь вращался в оживленные улицы Монмартра. К десяти часам движение было довольно спокойным. Положив футляр из черного бархата на пассажирское сиденье, Мишель бросал на него задумчивые взгляды. Болид выехал на авеню Рейчел, которая шла от бульвара Клиши к кладбищу Монмартр. Он нашел место для парковки и вышел из машины, захватив драгоценную шкатулку. Затем он с задумчивым видом пошел по Рэйчел-стрит, которая вела к кладбищу. Несмотря на близость Пигаль и Мулен Руж, место было тихим, вдали от суета сует. Мишель не мог не думать, что эта знаменитая улица была как бы барьером между весельем живых, суетящихся неподалеку, и тишиной мертвых. С одной стороны, прошлое, неизменное, вечное... застывшее. С другой стороны, настоящее, время, которое дышит и поддерживает жизнь, где каждый вечер на крыльях кабаре дует вихрь из перьев и страз.

– Держи, любовь моя... они для тебя. Я купил тебе точно такие же серьги. Те, о которых ты так заботился. Помнишь...

тебе было так жаль их потерять, потому что это я подарил их тебе. Я же говорил тебе, что все в порядке, что ты можешь купить себе другую пару. Ты ответил мне, что это не одно и то же. В них было какое-то значение. Они представляли меня. Ими были я. Ты гордо заявляла, что носишь мою любовь в ушах как талисман на удачу. Он разразился соблазнительным смехом, предназначенным для нее.

– Я так часто думал об этом с тех пор... Так вот, я предлагаю их тебе.

Он осторожно опустил открытую черную бархатную шапку на позолоченный мрамор. Петли сверкала тысячами огней под ярким солнечным светом. Пройдя по нескольким проспектам и многочисленным залитым солнцем аллеям в тени

лип с яркими желтыми цветами, благородно выглядящих каштановых деревьев и кленов с тревожными оттенками, Мишель опустился на колени перед могилой. Его горе было столь же велико, как и огромное кладбище Монмартра, увешанное табличками и надписями, в которых раскрывалась всё о том, как найти место захоронения. Мишелю не нужно было искать его направление. Он знал ее наизусть. Аполлинарию похоронили там, где она хотела : на кладбище Монмартра. В той деревне, где она родилась. В той самой деревне, где она познакомилась с Мишель. В то время они жили в одном из самых красивых районов на возвышенности Монмартра. Аполлинария влюбилась в дом с рыжими виноград-

никами, расположенный на холме. Живописность, добавленная к деревенской атмосфере, царившей на холме, поразила ее. « О, Здесь все так мило! Мы будем жить в этом миллом уголке ; в этом доме необыкновенный, расположенный на возвышенности. И когда я умру, ты похоронишь меня на этом прекрасном кладбище... Потом ты придешь и присоединишься ко мне. Я бы хотел, чтобы ты был рядом со мной. Пусть мы будем покоиться вместе вечно... Ты в порядке, говорит? » "Если ты хочешь моей любви... Но мы молоды, ты не близок к смерти! – возразил он легким тоном. И почему ты думаешь, что умрешь раньше меня? Это не в порядке вещей. Женщины живут дольше мужчин, это общеизвестно».

– помнишь, моя дорогая, – прошептал он бархатным голосом. Ты ответил мне, что ты

у меня было странное предчувствие : ты чувствовала, что не создана для того, чтобы оставаться на земле. Когда ты доверил это мне, я смеялся и шутил с тобой. Вскоре после этого по моему телу пробежали неприятные мурашки при мысли о том, что я потеряю тебя. Как ты мог предвидеть свою судьбу? ... Расстроена, Аполлинурия? Был ли твой разум способен угадать событие до того, как оно произошло? Ты что-нибудь почувствовал?

Он тяжело вздохнул.

– В тот день я ответил Тебе, что это была прекрасная идея-знать, что я собираюсь провести вечность рядом с тобой. Что за идиот! Я бы лучше сделал тебе предложение. Он сделал

глубокий вдох, чтобы подавить свои эмоции.

– Я так по тебе скучаю, Аполлинария. Мне так больно без тебя...

Весна была в самом разгаре, кладбищенская листва вызывала в воображении великолепный взрыв теплых, ярких красок. Далеко впереди легендарный мост Коленкур охватывал историческое место, где жили многие известные покойные. Металлический мост выходил прямо на старые надгробия, а также на бесчисленные часовни. Воздух был теплым, голубое небо, огромное и овцеватое, озаряло могилы белым сиянием с перламутровыми отблесками. С этого места был виден силуэт Мишеля, который отходил от могильной плиты Аполлины, пятясь назад с опущенной головой и болезненным, мелькающим взглядом.

Глава 2

"Течение дискотеки заставляет танцевать до конца ночи в ночных клубах. Многие

художники плывут на волне этого явления, как Патрик Фернандес, который взрывается своим «Рожденный, чтобы быть живым». В то время как Патрик Жюве, звезда "ночного мира", становится иконой целого поколения, исполняя песню "где женщины...", за которой следует знаменитая «я люблю Америка», поклонники Клода Франсуа до сих пор оплакивают его трагическую смерть, произошедшую 11 марта

1978 год. В то же время тысячи девушек-подростков, очарованных своим кумиром, подражают в своих спальнях хореографии очень красивой и сексуальной Шейлы. Своим новым треком "Love me baby«, а затем хитом » Singin' in the rain" она завораживает взгляды мужчин в своих облегающих мини-шортах и серебристых ботинках. Затем пришла слава Елисейских полей, Триумф и инопланетянин, успех балбесов, хорошеньких спикерш... Это эпоха телефонов с циферблатом, которые мы используем, чтобы набирать номера самостоятельно сцепив пальцы. Возраст знаменитых телефонных будок с монетами, необходимых для того, чтобы предупредить его родителей с церковной площади, что в конечном итоге мы вернемся домой позже. Также эпоха первых видео-

магнитофонов, которые стоили целое состояние, одноразовых фотоаппаратов, поляроидов... это время, когда дети будут играть в лужах в сапогах ; время такта и йо-йо, одной из главных игр в мире. занятия на перемене. Ночная жизнь, музыка, вечеринки, блеск и беззаботность царят в эти годы великолепии... »

– Ты все еще здесь? – воскликнула Джули, входя в класс детского сада. Ее ключи от машины в одной руке, школьный портфель под мышкой – большая черная кожаная сумка, полная карманов и отделений – конечно, немного тяжелая, но очень удобная для организации профессиональной жизни школьной учительницы. Джули была готова отправиться домой. У каждой учительницы, покидающей учебное заведение в конце дня, была привычка здороваться со своими коллегами. Последняя закрывала ворота начальной школы. Обе учительницы начиная с первой ступени, Аполлин была воспитательницей детских садов, в то время как Жюли занималась своей профессией

с учениками 1-го и 2-го классов. С головой на плечах, полная энергии, она также

была директором начальной школы Сен-Жан-де-Монмартр. Две молодые женщины были коллегами, но также и друзьями в течение нескольких лет. Они всегда договаривались о совместных прогулках, наслаждаясь, как только наступало лето, первыми скидками на красивые платья в цветочек, возбужденные, как две юные девушки. Это был эф-

фект Аполлина, каждый тот, кто был рядом с ней, снова превратился в электрического подростка. Больше всего им нравилось бродить по улочкам старого Монмартра и чинить блошинные лавки. Именно Аполлинария рассказала Жюли о своей страсти. Они регулярно приглашали друг друга на ужин в субботу вечером, чтобы провести вместе восхитительные моменты расслабления

и отвлечения. И пару раз, прячась на кухне, как два озорных ребенка, они подглядывали за Мишелем и Фрэнки, молодым мужем Джули, шепотом рассказывая истории о парах, взволнованных тем, что эти двое мужчин так же близки, как братья.

– Разве у тебя не было вечера, к которому нужно было подготовиться? Ужин при свечах на День Святого Валентина?

Джули настояла, заметив, что Аполлинария была поглощена исправлением своих копий.

– Да, да, я почти закончил. Я ухожу через десять минут.

– Ответила она подруге, ища документ, погребенный под грудой бумаг

на ее грязном письменном столе. Она была такой же, как Аполлинария, развязной, богемной и немного анархичной. То, что иногда заставляло Джули кипеть, было полной противоположностью. Молодая директриса с каштановыми волосами, уложенными каре, была методичной, организованной и имела

власть над всей школой. Она часто сетовала на небрежность так же сильно, как и на неорганизованность своей лучшей подруги, однако запрещала себе судить ее. Возможно, в глубине души она завидовала его безудержному уму и хотела бы насладиться той легкостью, которая так хорошо ее характеризовала.

Все обожали Аполлину. Все мамы надеялись на это для своих малышей, в то время как молодые папы с радостью забирали своих отпрысков из детского сада просто

ради удовольствия поболтать с этой милой хозяйкой с очаровательной улыбкой. Его успех с родителями были похожи на детей, которые постоянно цеплялись за ее юбки в цветочек на детской площадке, кружились вокруг нее, крича от радости, пока она болтала со своими коллегами.

– Твои исправления могут подождать до завтра. Я думаю, у тебя есть дела поважнее. Давай, поторопись, я тебя жду, мы уходим вместе. Если ты еще раз задержишься, у тебя не будет времени подготовиться, и Мишель вернется раньше тебя. Прощай, сюрприз! Каштановая челка ее гладких волос, обрамлявшая лоб Джулии, подчеркивала глубину ее темно-синих глаз.

– Да, ты прав. Впрочем, ты всегда прав. Я беру свою сумку и иду за тобой.

– О, не преувеличивай, я не идеальна!

– Почти, – любезно иронизировала Аполлинурия, запиная свои папки в большую сумку из мешковины, которая

выглядела так, как будто была датирована 1970-ми годами.

– А как же твоя картина? Ты мне об этом не говорил. Что ты сейчас рисуешь? – спросила Джули, с изумленным видом наблюдая, как она укладывает свои вещи.

Как и все художники, Аполлинаруия оставалась сдержанной в своих работах, тем не менее многое ее близкие знали, что она создавала потрясающие реалистичные портреты, а также замечательные пейзажи, изображающие сельский мир древних времен. С детства она воспитывала в себе желание рисовать, посещая уроки. Усердная ученица, шаг за шагом, благодаря практике, она оказалась очень одаренной. С этого возраста она создавала картины, достойные величайших, которые выставляла у себя дома или доставляла в определенные художественные галереи. После небольшого оживленного обсуждения этой темы они весело попрощались на

на школьной парковке, тепло обнявшись. Откровенный поцелуй в щеку, скорее по

привычке, ознаменовал расставание, а затем они пожелали друг другу хороших выходных, не подозревая, что одна из них больше никогда не увидит другую.

За рулем своего темно-синего Austin Mini Cooper цвета барвинка Аполлинаруия быстро преодолела четыре километра, отделявшие ее от дома. Она обожала эту машину. Мишель сделал ей подарок на ее последний день рождения. Она вспомнила тот исключительный день, когда он открыл дверь гаража и что она обнаружила маленький болид. Она под-

прыгнула от радости и бросилась Мишелю на шею, как ребенок. Следует признать, что он все сделал очень хорошо, обведя автомобиль огромной красной лентой с большим бантом на капоте. Она мило улыбнулась, вызвав это воспоминание. Аполлин припарковала свой "Остин" на улице Сен-Винсент, которая шла вдоль северного фланга холма Монмартр. Она поспешно спустилась вниз, протаскала ветхие ворота, а затем заправила машину в старый сарай на территории, который использовался как гараж. Она поспешила свернуть и побежала по мощеной дорожке, выющейся между знаменитыми рыжими виноградными лозами, посаженными в двенадцатом веке дамами монмартрского аббатства, ведущей к внушительному дому. Расположенный на вершине холма, в окружении великолепного светящегося виноградника, который спускался по крутым склонам вокруг, буколический дом Аполлинару и Мишеля с голубыми ставнями и выющимся плющом казался затерянным среди зелени посреди города. Это была одна из маленького старинного пузырька, сохранивший былое очарование благодаря своему великолепному особняку начала века и мощеным улочкам у подножия холма. Аполлинурия с облегчением вошла в его теплый интерьер, отправила вальсировать свои ключи, школьную сумку и туфли на каблуках, а затем рухнула на бежевый бархатный диван.

Передышка была недолгой. Три хороших удара в дверь вывели ее из летаргии. Это правда, что она очень опазды-

вала, и у нее еще было все, что нужно было сделать. К счастью, она прошла мимо сегодня утром он шел по улице Л'А-бревуар, прежде чем отправиться на работу, и сделал заказ в знаменитом розовом доме, известном своей традиционной французской кухней.

– Здравствуйте, я пришел доставить заказанную утром еду!

Обнаружив молодую блондинку потрясающей природной красоты, разносчик,

только что вышедший из подросткового возраста, сделал паузу и широко раскрыл задумчивые глаза. Польщенная, Аполлиария избавила его от пакетов, а затем поблагодарила его своей самой красивой улыбкой.

Она привыкла к таким восхищенным взглядам, которые бросали на нее мужчины, она всегда находила это очень приятным и забавным. Это привнесло немного больше изюминки в ее жизнь и увеличило ее удовольствие от жизни. Больше, чем ее стройная талия, восхитительные изгибы и почти прозрачный бледный цвет лица, именно легкость ее характера просвечивала за ее красивым лицом и делала ее привлекательной. У Аполлины были самые красивые глаза, очень выразительные сапфирово-голубые, отражающие малейшие ее эмоции, настолько, что у каждого создавалось впечатление, что они давно её знают. Полчаса спустя, положив руки на бедра, с широко раскрытым от удовлетворения взглядом, она осматривала его стол. В этот вечер в День Святого Вален-

тина Аполлинария хотела, чтобы все было идеальным. Она вынула свои самые красивые тарелки, свои самые красивые бокалы, и все это было разложено на великолепной красной скатерти, которую она купила по этому случаю. Желтые отблески свечей отражались в хрустальных бокалах, а пламя камина создавало теплую и уютную атмосферу. Аполлинария взглянула на часы. Последнее указывало на двадцать часов.

Она вся дрожала при мысли о том, что Мишель вернется домой до того, как она все закончит, вдруг она мысленно поблагодарила Джули за то, что заставила его уйти. Ей все еще нужно было принять душ, одеться. Она побежала вверх, стараясь не наступить на дорожку из красных роз, которую она посеяла на деревянной, покрытой ковровым покрытием лестнице в свою спальню. Затем она бросилась в ванную, сбросила на пол свою юбку в цветочек, немного свободный мохеровый свитер, трусики и бюстгальтер, чтобы наконец соскользнуть под водопад горячей воды. Со сладострастием она намыливала его обнаженное тело. Закрыв глаза, она наслаждалась струящейся обжигающей струей на ее груди, животе, бедрах. Выйдя из душа, она завернула свою восхитительную дымящуюся фигуру в полотенце, которое тут же уронила, как только оказалась перед раздвижными зеркалами своей огромной гардеробной. Красиво освещенные приглушенным светом, глянцевые материалы гардероба подчеркивали тонкость текстуры ее кожи, а также ее естествен-

ную прозрачность. Все ящики ее многочисленных старинных комодов, где она хранила свое тонкое белье, были открыты, чулки и колготки валялись туда-сюда по светлому паркету. Она выбрала пышную нижнюю часть из фиолетового кружева. Нервно шаря по вешалкам, она надела облегающее вечернее платье цвета мака с глубоким вырезом, как у святой, а затем надела туфли-лодочки того же оттенка. Она две минуты играла в роковую женщину перед мороженым, а затем, в конце концов, изобразила гримасу. В следующую секунду она сняла красное платье, чтобы надеть другое такого же типа, а затем еще одно, черное, более короткое и сексуальное, с открытой спиной размера XXL, которая обнажала нижнюю часть ее чресл. Она повернула его на себя, рассматривая ее фигура и эффект ее обнаженной спины, демонстрирующие легкую язвительную улыбку.

– Давай, Аполлиария, решай сама.... красная или черная ?

Она снова повернулась лицом к себе. Лукавый кивок, брошенный на ее отражение, возвестил о ее выборе для этого. Сидя перед старинным туалетным столиком, который она купила в гаражной распродаже за пятьдесят тюков, она выбрала более яркий макияж, подчеркнув глубину своих голубых глаз мазком черного карандаша и бархатистыми тенями для век. Розовая помада то, что она нанесла, подчеркнуло изящество ее губ. Затем она выбрала прическу в стиле гранд. Заправив последнюю заколку в свою светлую шевелюру, она

долго рассматривала себя в зеркале.

– Вот и все, все кончено. Ты не можешь сделать большего. Тушь, которую она только что нанесла, скрывала ее взгляд. Она изобразила улыбку, затем гримасу. И снова улыбка. Ради развлечения и потому, что она была в состоянии

крайнего восторга, она подошла ближе к зеркалу, чтобы запечатлеть на льду долгий поцелуй. Затем она взяла палочку очень красной помады и крупно написала под отпечатком своих губ: я люблю тебя, любовь моя. Его возбуждение в десять раз усилило ее чувства и желание угодить Мишелю. Все более сильное глубокое желание, которое никогда не покидало его.

– Ради этого исключительного вечера, я прекрасно вижу, что ты стремишься оставить в стороне сладкое. Тонкая и романтичная Аполлинаруя... Прекрасная Аполлинаруя обращалась к своему отражению в зеркале с ноткой озорства в голосе.

– Ты хочешь превратиться в гламурную женщину, в завораживающую, завораживающую женщину, чтобы удивить Мишеля, а? Маленькая шалунья!

Ей нравилось соблазнять его, забавлять, угадывать его желание в его седых волосах. Это была игра, которую они оба любили развивать. Она воспользовалась моментом, чтобы потренироваться перед мороженым, проведя языком по его губам. Она надула губы, затем опустила глаза, хлопая ресницами, и в конце концов разразилась радостным смехом.

Это была немного рок-н-ролльная сторона Аполлины. Между Мишель и Аполлиной ничего не изменилось с тех пор, как они впервые встретились три года назад, пара безумно любила друг друга, как и в первый день. Оба испытывали непреодолимое влечение друг к другу, которое погружало их в сон наяву, делая внешний мир невидимым. Мишель был человеком, не похожим на других. Он был мужчиной ее жизни, тем, на кого она надеялась в своих самых прекрасных мечтах. Ее любовник, ее друг, все ее существование. Аполлинария жила только для Мишеля, Мишель жил только для Аполлинарии. Как будто они ожидали друг друга на жизненном пути три года назад, чтобы пройти его вместе, взявшись за руки. Два существа, созданные друг для друга. Их идиллическая любовь, расположенная на вершине холма, была мечтой маленького Монмартра, жаждущего романтики, который дал им прозвище : любители красных лоз. Звук разбитого стекла вывел ее из размышлений.

– О, нет! Я забыл запереть кошку. Надеюсь, он не наделал глупостей.

Одним прыжком она взлетела на первый этаж. Его лицо искажилось, когда он обнаружил повреждения. Застигнутый врасплох своей любовницей, толстый серый хулиган запрыгнул на стол и скрылся под диваном, оставив позади него лужа шампанского растеклась по светлому паркету у подножия разбитой бутылки.

– Черт, черт, черт, черт! она пришла в ярость. Шампан-

ское! Это неправда! Это неправда! Как мне теперь поступить? Она взглянула на часы. Она показывала двадцать тридцать. Мишель часто работал допоздна, но сегодня она знала, что он вернется около двадцати одного тридцати, потому что он планировал пригласить ее на ужин в дом Роуз на День Святого Валентина. Ужин, который она отменила за его спиной, так как устроила ему сюрприз.

– Быстрее! Если я потороплюсь, у меня будет время сходить к Ахиллу и купить новую бутылку шампанского. Ахиллес был бакалейщиком на углу, который почти никогда не закрывался, расположенным в нескольких километрах от площади Леон-Серполле.

– Давай, не теряй времени, моя красавица!

Аполлин надела длинное, очень элегантное черное фетровое пальто поверх своего сексуального вечернего наряда, схватила на лету сумочку, ключи и побежала к машине, стуча каблуками по старой брусчатке.

– Черт возьми! Мои туфли!

Она не привыкла ездить на таких высоких шпильках.

– Тем хуже.

Дверца захлопнулась, и маленькая Остин с шумом проехала задним ходом, прежде чем выехать на улицы Монмартра. Аполлин вставила кассету Джо Дассена в радиоприемник и до упора повернула ручки обогревателя. Она нашла время, чтобы положить свое пальто на заднее сиденье, потому что ей нравилось ему было удобно маневрировать, но фев-

раль был не очень жарким. Она включила звук и повела своими тонкими обнаженными плечами в томном ритме мелодии. Джо Дассен пел: Что, если бы тебя не существовало... скажи мне, почему я существую... талалалала... лалалалалалала... Нежный голос певца разнесся по салону, и Аполли-нария словно перенеслась сквозь музыку. Она обожала Джо Дассена. Эта песня была одной из его любимых. На ее губах заиграла нежная улыбка, когда она подумала, что эта мелодия создана для них. Аполли-нария не хотела бы существовать, если бы Мишеля не существовало. Она была так счастлива, что нажала на гриб, как бы подстраиваясь под его темп к его душевному состоянию.

– Хо, нет! Работы !работы! Не хватало чего-то большего.

Она затормозила, повернула налево на Авеню Жюно, снова затормозила и повернула направо, чтобы выехать на улицу Коленкур, затем прибавила скорость. Синий Mini Cooper развернулся под его нервным управлением и проехал через весь район, залитый желто-золотым светом, который излучали старые квадратные газовые светильники, спроектированные в 19 веке.

Шел дождь, мелкий, непрерывный, дворники, казалось, отбивали такт мелодии Джо. Мощные улицы были пустынные, закрытые ставни старых домов, за исключением старинных, ярко освещенных витрин небольших гостиниц, а также ресторанов, переполненных людьми в День Святого Валентина, напоминали о прошлом, которое все еще существу-

ет. Луна, полная, большая, проливала свой бледный свет на барвенково-синюю крышу Остина, а там, наверху, на цинковые или шиферные крыши легендарного квартала Мон-мартр, мансарды, слуховые окна, слуховые окна и дымоходы сопровождали Аполлину в ее безумной гонке по переулкам. Онемевшая от жары, затуманенная музыкой, она снова ускорила шаг, торопясь преодолеть последние девятьсот метров уединенного и темного переулка, по которому ее заставили идти работы и который, наконец, приведет ее к продуктовому магазину. Однако через несколько миль она поняла, что поездка на этом не заканчивается. Пятнадцать минут езды спустя, не узнавая этого места, она начала думать, что совершенно заблудилась. Она не ошиблась.

– Из-за этих чертовых работ! хрюкнула она. Пока она пыталась определить дорогу, по которой шла, через ветровое стекло, пронизанное проливным дождем, колеса Mini Cooper разбрызгивали по тротуарам воду, смазанную асфальтом с проезжей части. Она взглянула на приборную панель. Загоревшийся индикатор на маятнике показывал 21 час 30 минут.

– Черт, черт, черт, черт! она пришла в ярость. Если я быстро не найду свой путь обратно, Мишель вернется домой раньше меня.

Она подняла глаза, как вдруг возникший из ниоткуда грузовик ослепил ее своими мощными фарами.

– Какого черта ты здесь делаешь, ты? ругала она себя.

Это был многотонный тяжеловес, которому нечего было делать на этой маленькой проселочной дороге. Аполлинару тормозит. Ее шпилька застряла в ковре.

– О, нет ! Только не это.

Она попыталась оттолкнуть его, и когда наконец ей это удалось, охваченная паникой при виде приближающегося монстра, она нажала на педаль тормоза. "Остин" заскользил и выскользнул на левую полосу движения. Аполлинару судорожно вцепилась в руль. Понизить в должности. Круглые, мощные, огромные фары большого грузовика на полной скорости приближались. Его ослепили. Она крутила, крутила, отчаянно крутя руль. Напрасно... Рулевое управление пусто. Контроль над машиной ускользает от него. Она слышит, как раздается пронзительный гудок дальнобойщика. Он врывается в салон, как тревожная сирена, которая не прекращается.

Дождь хлещет из-за фонарей, которые зигзагообразно, как лазерные лучи, проносятся мимо. Аполлину с силой за-талкивают внутрь машины. Дважды его голова сильно ударяется руль. По его виску, из носа, течет кровь. Она не чувствует боли, но чувствует себя неуклюжей. Страх читается на ее лице, ее большие голубые глаза полны ужаса. Mini Cooper делает все возможное, чтобы не останавливаться на достигнутом. Его тело раздроблено, как тряпичная кукла, между ударами справа и ударами слева. Его висок ударяется о стекло и отскакивает, затем ударяется во второй раз. Стекло взры-

вается. Это ужас. Это больше не прекращается. У нее перехватывает дыхание. Его налитая кровью голова поворачивается к ней. Его ушибленное тело причиняет ему боль. Она сейчас упадет в обморок. Время застывает. У нее мелькнула короткая мысль о Мишеле. Мишель, любовь, жизнь... Тогда это шок. Огромный. Автомобиль врезается в большие колеса грузовика, резко отскакивает от шины. Машина откатывается назад, поднимается и поднимается вертикально, бампер обращен к Луне, круглой, светлой, величественной и сверкающей. Аполлиария кричит. "Остин" всем весом падает на капот, начинает долгое скольжение по мокрому асфальту и заканчивает свой пробег, опрокинувшись в кювет. Там она делает три бочки, а затем... больше ничего. После грохота аварии здесь воцаряется мертвая тишина... Темная природа обретает странный покой, который все еще вызывает воспоминания о гудке. Небольшая проселочная дорога, освещенная только фарами остановившегося грузовика, покрыта мелким дождем, который явно не хочет прекращаться. Только колеса Остина, поднятые к синему ночному небу, продолжают свой безумный бег по дымящемуся металлическому подшипнику. Водитель слезает со своего большегруза и спрыгивает на мокрую проезжую часть. Несмотря на его набрав лишний вес, он со всех ног бежит к месту аварии. Он позволяет себе поскользнуться на мокрой траве канавы. Машина перевернута вверх дном, дверь со стороны водителя широко открыта. Скорее! Он ходит по кругу. Там мужчи-

на обнаруживает распростертое тело красивой молодой женщины. Ее длинные стройные ноги все еще находятся внутри, а ее бюст покоится на коричневой траве. Влажный. Дорожник угадывал ее обнаженную спину, оголенные плечи и тонкие руки, скользнувшие в разорванное вечернее платье. Ее прическа распущена. Ее длинные светлые волосы распущены вокруг ее кавалера лицо. Водитель грузовика в шоке.

– Черт возьми, черт возьми! Черт возьми, черт возьми!

Он бросается рядом с телом. Она вся в гриме. С ее большими кукольными глазами у нее красота Ангела. Она похожа на статую. Ее тонкие розовые губы приоткрыты. Кровь течет у него изо рта и капает на шею. Под левой грудью он замечает сливово-красное пятно. Она растекается по ткани черного платья, как слизистый зверь. Пристальный взгляд Аполлины заставляет водителя грузовика думать, что она мертва, тем не менее он приближается и видит искра жизни в сердцевине его ярких черносливов. Ее грудь слабо вздымается. Она дышит. В приступе паники он встает на ноги.

– Не двигайся, моя милая, я вытащу тебя оттуда!

Мужчина разворачивается, спрыгивает с насыпи и бросается к грузовику.

Взобравшись на подножку, он поднимает трубку своего сibi и ищет частоту:

– Всем кибистам! Я запускаю QRRR, сигнал бедствия.

Есть кто-нибудь на частоте? – кричит он, нервничая.

– Я принимаю тебя пять из пяти. Это ты, Жанно 75?

– Да, да, да, да, дед 95! Слушай, у меня нет времени болтать, там какая-то цыпочка только что разинула рот в канаве. Пошли мне армаду сутенеров! Предупреждаю, что есть срочная необходимость! И еще скажи им, чтобы они берегли мои 1000 лап. Он припаркован прямо посреди проезжей части на улице Сент-Уэн, на выезде с дороги. Ты видишь, где это?

– Получил пять из пяти, мой Жанно! Я отправлю это тебе прямо сейчас. Законченный.

Жанно смотрит на свои часы. Сейчас 21 час 45 минут.

Глава 3.

В тот же момент Мишель Джонсон развернулся в своем очень удобном черном кожаном кресле и одним прыжком заскользил на своих колесиках к металлической мебели, которая занимала часть стен. Он выдвинул один из многочисленных выдвижных ящиков в поисках папки, затем схватил рубашку, прежде чем направиться к своему стеклянному столу. Обширная архитектурная фирма Мишеля : "компания главных архитекторов исторических памятников" располагалась на вершине знаменитой башни Арева, облицованной черным гранитом. Увлеченный историей памятников прошлых веков и очарованный великолепной архитектурой древних времен, Мишель долго учился, чтобы стать главным архитектором. Выпускник Центра последипломного образования по истории и сохранению древних зданий, ему было поручено руководство наиболее важными работами в городе Париже.

Его тяга к испытаниям и соревнованиям продвинула этого харизматичного персонажа, чертовски сексуального, обладающего грозным обаянием, на вершину рейтинга в районе обороны где размещалось более трех миллионов офисов.

Откинувшись в кресле, он поднял усталое лицо, его жемчужно-серые глаза уставились на экран недавно установленного маленького компьютера. Он взглянул на свои часы. По-

ра было уходить. Он знал, что Аполлиария приготовила ему сюрприз на День Святого Валентина. Он знал ее так хорошо, что угадал ее радость в океане ее больших глаз. Этим утром она была как ребенок, игривая, нетерпеливая при мысли о том, какой сюрприз ее ждет. Когда она таким образом замышляла, она обычно она прыгала, смеялась, заложив руки за спину, с развевающимся на ветру конским хвостом, излучая жизнерадостность своей очаровательной улыбкой. Для нее существование казалось праздником. Попутно она втянула Мишеля в свою жизнь, наполненную светом и свободой.

Прекрасная личность Аполлины делала его, трудолюбивого, безумно хорошим для него. Мишель был уверенным и уравновешенным руководителем, но стресс от большого начальства вторгался в его повседневную жизнь.

– О, нет! Черт, черт, черт, черт! начал начальник пожарной охраны, обнаружив лицо Аполлины, которое он только что лежал на носилках.

– В чем дело, черт возьми? Ты ее знаешь? спросил Мигель, его молодой напарник.

– Да. Это Аполлиария, подруга Жюли и моя тоже. В основном это жена моего лучшего друга. Черт возьми! Это неправда!это неправда!

– Она в плохом состоянии.

Фрэнки не потрудился ответить. Он не хотел слышать никаких поспешных диагнозов.

Состояние Аполлины и так было довольно тревожным. Она едва дышала.

– Давай, быстрее, быстрее, мы ее в "скорую" грузим!

В камере Фрэнки в точности выполнил необходимые медицинские действия, а затем:

– Поднимайся в каюту, я останусь с ней! приказал он.

– Но ... во время операции командир орудия должен нормально садиться спереди, а напарник оставаться сзади с пострадавшим!

– Мне плевать на правила! Это Аполлинария, черт возьми! Делай, что я тебе говорю, и не спорь.

– Ладно, ладно, не сердись.

Молодой пожарный едва успел закрыть дверцу машины скорой помощи, как Фрэнки забарабанил в дверь:

– Давай, катись, катись, Фредди! Больница Бретонно! И беги, нельзя терять ни минуты, если мы хотим спасти ее!

– Вот и началось! – повторил водитель, прежде чем включить сирену и включить синий световой сигнал. В камере скорой помощи Фрэнки склонилась над своей подругой. С озабоченной миной он нежно погладил ее светлые волосы. Его веки были закрыты, а кислородная маска закрывала рот, как и нос.

– Это я, Аполлинария... Фрэнки, – прошептал он ей на ухо. Не волнуйся, я отвезу тебя в больницу. Держись крепче, моя красавица. Ему очень хотелось успокоить ее, думая, что ее знакомый голос поможет ему продержаться до скорой по-

мощи. На другом конце города...

Мишель выключил свой компьютер. Он схватил свой портфель для документов, потянулся за связкой ключей и схватил свою черную кожаную куртку, висевшую на вешалке. На пороге его серые глаза обшарили пространство его кабинета. Он ничего не забыл.

Едва он запер его, как раздался звонок телефона.

– О, нет! Не сейчас, у меня сейчас нет на это времени. В конце концов я опоздаю.

Это определенно был клиент. Как у меня хватило наглости позвонить в такой час! Он подождет до понедельника, решил он, ускоряя шаг. Но сигнал тревоги, громкий, непрерывный, наполнял длинный коридор, звеня в ушах, как тревожная сирена. Возможно, это был важный звонок. В нерешительности он в конце концов вытащил ключи из кармана и снова открыл свой офис.

– Кабинет архитектора исторических памятников. Мишель Джонсон у аппарата. На другом конце трубки раздался голос. Затем в комнате воцарилось тяжелое молчание комната, в то время как Мишель слушал, как голос говорит. Ее цвет лица утратил свои краски. Страх исказил ее красивое лицо. Он бросил телефон, который с шумом упал на поднос из закаленного стекла, и выбежал из кабинета.

– Алло? Алло? Сэр?

У подножия башни Арева, самой высокой башни обороны, облицованной темным гранитом и тонированными стек-

лами, Мишель подбежал к своей машине. Новенький красный мустанг дал задний ход и выехал на колесах из гигантского квартала Лос-Анджелеса, оставляя позади необычные здания, украшенные огнями.

Пятнадцать минут спустя...

Мишель мчался по дороге, нарушая все запреты, поджигая светофоры, игнорируя остановки, под проливным дождем. Тот самый дождь, который ослепил Аполлину.

Одетый в свою пожарную форму, Фрэнки ждал его у входа в отделение неотложной помощи.

– Фрэнки?

Его изумление длилось недолго. Мишель сразу понял, что именно его друг взял на себя заботу об Аполлине.

– Где она, черт возьми?

– Подожди, успокойся, Мишель. Она только что выписалась из операционной, но я должен тебе сказать...

Мишель уже не слушал. Впрочем, он не замедлил шага, устремившись к больнице, врываясь в отделение неотложной помощи. Обнаружив серьезный взгляд своего друга по прибытии, он понял, что состояние Аполлины критическое, и его сердце забилося в груди.

– Аполлинария Мерсье, – обратился он к принимающей хозяйке.

Дежурная по телефону консультировалась со своим мини-компьютером-предком, выпущенным в начале 80-х годов —, набрал имя Аполлины на пластиковой клавиатуре с боль-

шими клавишами, затем посмотрел на черный экран с зеленой графикой.

– А-а-а... Да, – прошептала она глубоким голосом. Аполлинария Мерсье ! Бокс № 6. Я предупрежу доктора Леграна о вашем присутствии. Пожалуйста, проявите терпение...

Мишель не дал хозяйке закончить фразу.

– Но, сэр! Нет !нет! закричала та. Вы не можете пойти туда один. Вас будет сопровождать медсестра.

– Оставь, Сэнди, я позабочусь об этом, – бросил Фрэнки, преследуя своего друга по коридору. Больше по привычке он слегка подмигнул молодой женщине. Фрэнки Манчини, красивый темноволосый итальянец с матовой кожей, хорошо знал больницу и ее больничные персонал. Пожарный Парижа с юных лет, сначала в качестве волонтера, а затем в качестве профессионала, медицинская среда была его собственным миром. Соблазнительная сторона Фрэнки побуждала его симпатизировать этим дамам, которые ценили все его галантные манеры. Когда Мишель вошел в бокс, от сюрреалистической сцены у него перехватило дыхание. Команда из санитары окружили тело Аполлины, лежащее на больничной койке, подключенное к машинам, обеспечивающим целый комплекс услуг по уходу. Рядом с ней монитор, соединенный электродами, мигал в такт ударам ее сердца, отображая на экране пульс Аполлины, уровень кислорода и кровяное давление. Доктор Фредерик Легран, заведующий отделением реанимации и отделением непрерывного наблюдения,

мужчина лет сорока с фигурой, уставшей за все эти годы потратив время на попытки спасти людей, она освободилась от своих помощников, чтобы встретиться с Мишелем, за которым следовала медсестра. У обоих были серьезные лица.

– Мистер Джонсон?

Мишель кивнул. Начальник службы пригласил его следовать за ним по коридору. Тихим голосом, почти шепотом, чтобы смягчить шок и растерянность, которые он угадал во взгляде того, кто стоял перед ним, врач поставил ему диагноз :

– Мне очень жаль, но для Аполлины это всего лишь вопрос времени. Он тело яростно сотрясалось в машине. Она получила лавину смертельных ударов, поражающих ее жизненно важные органы. Последовало долгое молчание... Мишель обвиняюще вытянул шею. Положив одну руку на перегородку коридора, он опустил голову, затаив дыхание. Казалось, он напряженно размышлял или приходил в себя, анализируя ситуацию. Никто бы не догадался сказать. Доктор дал ему немного времени.

– Но ... может быть, после дополнительных обследований и...

Доктор бросил на Мишеля сочувственный взгляд. Он хотел бы ответить ей что-то вроде « все будет хорошо, не волнуйтесь, она справится». к сожалению, это была информация, которую невозможно было передать. Иногда в таких случаях, как этот, когда пациентка была молодой и краси-

вой, с многообещающим существованием, он сожалел о том, что выбрал эту профессию, потому что, уходя с работы, его преследовали все те пациенты, которых он не смог спасти. И скорбные лица их близких преследовали его разум.

– Мне очень жаль. Мы больше ничего не можем для нее сделать. Его жизнь под угрозой, висцеральная недостаточность острая... все жизненно важные органы получили серьезные повреждения...

Это не позволяет нам рассчитывать на какую-либо надежду. Даже без этого металлический предмет пробил его грудь, пробив сердце. К тому же это чудо, что она все еще жива.

Пожарные считают, что она была проткнута рычагом переключения передач, который отсоединился и превратился в лезвие из-за ударов о бочки. Наступила тишина, снова долгий миг молчания... Маска ужаса овладела лицом Мишеля. С изможденным взором он отказывался слышать, отказывался верить, что переживает эту ужасную драму. Догадываясь о его бедственном положении и в этот момент, врач с сочувствующим видом хотел бы его утешить, однако его уже требовали на другую операцию. Его друг Фрэнки, сидевший на скамейке, прислоненной к проходу, наблюдал за этой сценой и видел, как лицо Мишеля расплывается. Пелена печали опустилась на его обветренные черты, а затем он зарылся он опустил голову на руки, услышав то, что он уже понял. Тысяча вопросов пронеслась в его беспокойном уме : каким было бы будущее Мишеля без Аполлин? Как он собирается про-

жить следующие несколько часов? В ближайшие дни? Что нужно было сказать? В таких драматических ситуациях мы никогда не знаем, что сказать, слова не приходят, и мы чувствуем себя ужасно ненужными, беспомощными, хотя нам так много хотелось бы отдать.

– Идите к ней сейчас же... – прошептала медсестра с бесконечной нежностью.

Когда Мишель вернулся в бокс, медицинская бригада исчезла, голова Аполлины была повернута в его сторону. Его большие голубые глаза встретились с ее собственными, и надежда вернулась к Мишелю. Она была жива и здорова. Возможно, они сказали неправду. Возможно, они ошибались.

– Аполлинария, любовь моя ... -прошептал он, беря ее за руку.

– Седой опрокинул бутылку шампанского. Я хотел купить одну из них...

Его голос был слабым, приглушенным. На губах Мишеля появилась нежная улыбка.

– Это пустяки. Больше не думай об этом и не напрягайся. Ты поправишься, и у нас будет достаточно времени, чтобы выпить шампанского. Аполлинария осталась без реакции. Она знала, что никогда больше не будет дегустировать это восхитительное игристое вино с тем, которое любила, и это ее огорчало.

– Как жаль... мы были так счастливы...

Ее веки медленно моргали, как будто ей хотелось спать.

– Не говори в прошедшем времени, я запрещаю тебе это. Ты должна быть сильной, Аполлинаруя, должна бороться. Врачи не всегда правы. Мы уже видели чудесные исцеления. Не опускай их рука, умоляю тебя, ты должна бороться за жизнь!

Тихие слезы текли по щекам Мишель, глядя в голубые глаза Аполлинаруи, которые мягко потухли. Она не могла оставить его, уйти уже сейчас, без него. Нет, он не принимал этого.

Аполлин вглядывалась в лицо Мишель, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми, взгляд светился любовью и восхищением, как будто в свои последние мгновения она хотела навсегда запечатлеть его черты в памяти, которая исчезнет вместе с ней.

– Ты такой красивый... и я... я так тебя люблю.

– Аполлинаруя! всхлипнула Мишель, впиваясь в него, обволакивая его всей своей нежностью. Не покидай меня. Я не хочу потерять тебя. Я ничто без тебя. Он приподнял ее голову и поцеловал в губы, мокрые от слез, в щеки, в лоб.

Как будто эти лихорадочные жесты могли помешать ему уйти.

– Тише... тише... – шептала она, нежно поглаживая его волосы безвольной рукой. Послушай меня... послушай меня... Мы встретимся снова, я обещаю тебе. И... что, если ты удержишься слишком долго быть рядом со мной ... если... если у меня не хватит терпения ждать тебя, я вернусь, лю-

бовь моя. Я вернусь...

Мишель потерялся в тепле ее шеи, вдыхая ее запах, убаюканный ее голосом, успокоенный ее словами, одновременно обнадеживающими и сюрреалистичными... затем наступила долгая тишина, тишина, которая, казалось, длилась вечно, пока рука Аполлинарии мягко опускалась на белую простыню. Мишель поднял голову с завязанным горлом, серые зрачки были опустошены горем. Голубые глаза Аполлины оставались неподвижными, большими, ужасно пустыми. Он чувствовал себя потерянным, уничтоженным, его тело было лишено своей сущности.

Слезы безудержно текли по его щекам, в то время как он не мог оторвать взгляда от той, кого любил. Не в силах пошевелиться, сдерживая рыдания. Ему показалось, что время остановилось. И все же долгие минуты прошли в маленькой изолированной палате больницы.

Секунды медленно текли в замкнутом пространстве, склонившись над человеком, сидящим возле безжизненного тела Аполлины.

Именно тогда теплое дыхание коснулось ее щеки... странное дыхание завораживающей легкости. Волна эмоций захлестнула Мишеля, когда он почувствовал, что это она. Он поднес одну руку к ее лицу и попробовал сладость ласки, пронизанной ее присутствием, закрыв глаза. Абсолютная пустота наполнилась шепчущим голосом, который эхом отдавался в его сознании:

« Я вернусь, любовь моя... »

Аполлин Мерсье умерла в возрасте 22 лет. В ту ночь Мишель не хотел спать у Фрэнки. Он тоже не хотел пусть он вернет его. Страдание, которое выражал взгляд его друга, расстроило Фрэнки, и без того охваченного беспокойством, раскаянием в том, что он ничего не мог сделать, чтобы спасти Аполлину, и болью от того, что присутствовал при этом. Поэтому Фрэнки не осмелился настаивать. В его отказе говорить угадывалась потребность побыть одному.

Вернувшись домой, Мишель обнаружил красивый стол, который Аполлинару приготвила для Святого Валентина. Его словно пронзила невыносимая боль. Его горло сильно сжалось, так же сильно, как и только камень. Ощущение, что Аполлинару вот-вот выскочит из кухни, сияющая от удовольствия, пронзило его сердце. Когда он взглянул на дорожку из красных роз, ведущую вверх по лестнице к их спальне, он пришел в неконтролируемую ярость и в отчаянии перемахнул через весь стол.

Глава 4.

« Это прекрасное время. Золотой век музыкальных клубов. Мы восхищаемся этими стеллажами с видеокассетами с пленками на магнитной ленте, выставленными на полках, которые касаются потолка магазина. Мы путешествуем и тережимся в мире кино. На большом экране 1990-х годов представлена коллекция культовых фильмов. От "Тельмы и Луизы" до " Форреста Гампа", "Парк Юрского периода" и "Криминальное чтиво" с великолепным Джоном Траволтой, не говоря уже о потрясающем » Титанике " Джеймса Кэмерона, который обошелся в 200 миллионов долларов с почти идентичной реконструкцией знаменитого лайнера. Это было вчера...

В этом десятилетии также расцвели легендарные хиты, которые останутся в Зале славы музыки. Мы напеваем : "держай, Жозефина" ... Алена Башенга, » я любил тебя, я люблю тебя и буду любить тебя " ... Фрэнсиса Кабреля, » сентиментальная толпа « Алена Сушона, » разочарованная " самой загадочной из певиц : Милен Фармер. Это также время молодой Бритни Спирс, детской звезды, ставшей поп-иконой, которая потрясла Америку и весь мир в целом. 1990-е годы также ознаменовались распадом Восточного блока и окончанием холодной войны.

Если говорить более мягко, то царство покемонов с яро-

стью накатило на волну 90-х. Выпущенный сначала на Game Boy, затем настала очередь коллекционных карт покенонов. Цель: получить как можно больше, чтобы обменять их на школьном дворе. Затем появятся Power Rangers, карты Dragon Ball z, которые буквально вызвали страсти в начальной и средней школе. В то же время поток американских сериалов нового жанра заставляет его появление в знаменитой «Зачарованной», одной из главных серий того периода, в которой рассказывается о приключениях сестер Холливелл перед лицом демонов. Затем приходит очень любимый Доктор

Куинн, женщина-врач. Затем следуют знаменитые «западное побережье», «чрезвычайная ситуация», "Беверли-Хиллз" с Брэндоном, Брендой и всеми их подростковыми проблемами. «Доусон», "Уокер Техас" Рейнджер», «наша прекрасная семья», «мадам подана» ... это было вчера. »

Время шло, а Мишель продолжал жить, выполняя повседневные дела с непонятной монотонностью. Его работа, в которую он с головой погрузился, помогла ему пережить первые годы. Однако еще не было редкостью, когда по вечерам, сидя в полумраке гостиной, он снова и снова повторял любимые песни

Аполлины. Старая стереосистема воспроизводила мелодичные ноты Джо Дассена, проникающие в дом, пробирающиеся наружу в звездную ночь: «что, если бы тебя не существовало... скажи мне, почему я существую»".

В эти драгоценные мгновения он снова был с ней. Вспомни-

ная прошлое, прекрасная светловолосая голова Аполлины, вся сияющая, ясно предстала перед его потерянным в тумане взором. Его разум вызывал в воображении ее легкий голос, ее хриплый смех, ее аромат... заснувший в его сердце. Ей не хватало его улыбки. Окрестности привыкли слышать, как музыка певца тихо разносится над домом на холме. За все эти годы Мишель умилостивил множество женских сердец, и все они были готовы утешить его. Все на Монмартре знали о трагической истории от Мишеля и Аполлины. Некоторые коренные жители окрестностей даже называли их "вечными любителями рыжих лоз", будучи уверены, что эти двое когда-нибудь встретятся.

После смерти Аполлины мать Мишеля несколько раз навещала ее, пользуясь ее деловыми поездками со своим продюсером, чтобы сделать остановку во Франции. Она сетовала на его поведение, требуя, чтобы он перевернул страницу и взял свою жизнь в свои руки.

– Твое поведение достойно сожаления. Ты не должен останавливаться на этом инциденте! Тебе нужно сделать это снова твоя жизнь, я настаиваю! Ты не собираешься провести остаток своего существования, оплакивая свою судьбу!

Она терпеть не могла людей, которые опускают руки. Ей нравились испытания, повороты, соревнования. Так она разбогатела и познакомилась с крупнейшими знаменитостями Голливуда. Однако за все эти годы она отдалась от своего сына. Мишель унаследовал его качества в профессиональ-

ной сфере.

– Ты настаиваешь? По какому праву ты настаиваешь? Я мечтаю там! Это ты, образцовая мать, которая для меня давай советы! он иронизировал. И потом, это не инцидент, как ты говоришь. Аполлина мертва!

Его обвиняющий серый взгляд потемнел. Мать Мишеля, Жозефина, была женщиной с характером. Яркий персонаж, который вел свою жизнь, как ему заблагорассудится, в английском особняке, более или менее на крючке у преуспевающего продюсера. После бурной актерской карьеры в Соединенных Штатах она вернулась в Англию, где поселилась с последним из своих поклонников.

Когда Мишель был ребенком, его мать объяснила ему, когда он задавал слишком много вопросов о своем отсутствующем отце, что Гарри Джонсон однажды вечером ушел из дома после ожесточенного спора и так и не вернулся. Мишель прожил свое детство, переезжая из штата в штат и из страны в страну, его воспитывала в основном няня, а затем поместили в пансион, пока он не приехал во Францию, чтобы завершить свое архитектурное образование, и не решил поселиться там. Слепленный великолепными традиционными памятниками с богатой историей, он влюбился в Францию, о Париже и прекрасной Аполлине.

– Ты не ешь, Мишель? Может, тебе это не нравится.

Заботливый голос Джули вывел его из задумчивости.

– Если, если, конечно, это даже превосходно, как обыч-

но,-сказал он, беря свою вилку обратно. Я просто ушел в свои мысли.

Его спокойный голос и обволакивающий серый взгляд буквально завораживали сидящую красавицу брюнетку за столом напротив него. Аманда сделала бы все, чтобы Мишель заинтересовался ею.

Как, впрочем, и все те, с которыми Джули знакомила его время от времени в течение последних нескольких лет.

– Да, я это видела,-прошептала она разочарованно.

Джули была убита внезапной смертью своей подруги, ей было очень трудно оправиться от этого. Дружба между Мишелем и парой естественным образом укрепилась, и Джули постановила, что Мишелю давно пора начать новую жизнь. Ей этого было достаточно. Она хотела видеть его счастливым. Это открытие надолго засело у него в голове. Разделяемая также утешительной завистью к тому, что он остается верным Аполлине, как он умудрялся это делать, она думала однако с горечью он понимал, что имеет полное право по-прежнему любить. Аполлинария была веселым, озорным и жизнерадостным человеком, она бы не согласилась, чтобы Мишель оплакивал ее всю оставшуюся жизнь.

В конце трапезы Джули увидела из окна Мишеля, который проводил молодую женщину до ее машины.

– Не хотите ли зайти и выпить напоследок в моих апартаментах, чтобы красиво завершить эту восхитительную ночь? – осмелилась спросить прелестная Аманда в изыскан-

ной манере.

В этот поздний вечер достоинство приглашения было ясным. Она послала ему улыбку полный очарования в надежде на положительный ответ. Любой мужчина согласился бы. У прекрасной Аманды было кукольное личико и сказочное тело.

Прислонившись к дверце своей машины, Мишель ответил учтивым голосом, в котором чувствовалась мягкость, чтобы не обидеть ее.

– Предложение ужасно заманчивое, но извини, мне нужно завтра вставать на рассвете для важной встречи.

Улыбка молодой женщины увяла. Она была ужасно разочарована. Весь вечер она была покорена интенсивностью его взгляда, очарована его загадочной личностью. Она бы хотелось познакомиться с ним поближе и прижаться в этих сильных объятиях. Она не винила его за это, и они расстались, обменявшись нежной улыбкой. Потрясающая история любви пары, а затем трагическая авария Аполлины, рассказанная Джули, глубоко тронули Аманду. Сила чувств, которые связывали Мишеля с этой женщиной, свидетельствовала ему о ее верной, страстной натуре. Это делало его в ее глазах еще более пленительным. Милая Аманда так хотела бы испытать одну из тех страстей, которые захватывают ваше сердце и разум.

– Когда ты прекратишь все свои махинации, чтобы женить его на любой девушке?

Фрэнки подошел к Джули, стоявшей у окна. Произнося эти слова, он обнял ее за талию, запечатлев нежный поцелуй в ложбинке ее груди.

– Аманда не просто девушка. Она очень красива, и у нее золотое сердце. И то, и другое редко встречается у одного человека.

– Я знаю, моя дорогая... Я знаю, что ты делаешь все возможное, чтобы найти для него кого-нибудь подходящего.

Только надо отдать тебе должное, он этого не желает! Оставь его в покое. Поверь мне, ты заставляешь его чувствовать себя некомфортно насильно.

– Да, ты, безусловно, прав. Я просто хотел, чтобы он начал свою жизнь заново. Другая женщина могла бы сделать его счастливым, не забывая при этом об Аполлине.

– Я согласен с тобой, но мы не можем его заставить. И потом, не волнуйся так сильно, я знаю, что у него было несколько приключений. Он мужчина, у него есть потребности. Может быть, случайность все исправит и однажды он устроит прекрасную встречу. Недавно я узнал, что он встречался с некой Бетти. Увидимся в понедельник, я спрошу его, как сложилась его жизнь.

В течение нескольких лет двое мужчин вместе обедали в ресторане на углу между кварталом Дефанс и пожарной частью Монмартра, где они встречались на террасе во время обеденного перерыва. Фрэнки, любитель хорошеньких девушек, но безумно влюбленный в свою собственную, умел и

умел готовить своего друга, чтобы заставить его признаться в своих завоеваниях. Это был его способ узнать от нее новости о состоянии ее здоровья. Сегодня, как и часто, разговор вращался вокруг вмешательств пожарного и последних контракты, о которых договаривался Мишель, когда Фрэнки решил иначе:

– Ну и что? Ты снова видел прекрасную Бетти? – спросил он, выходя так, как будто ничего не произошло.

В его темном взгляде светилась Искра нетерпения. Итальянец не умел скрывать свою веселую натуру.

– Не. И я не намерен ее больше видеть.

– Почему-почему? Она тебе больше не нравится?

– Конечно, хочу. Дело не в этом, и ты это прекрасно знаешь. Я не желаю длительных отношений.

– Ладно, поступай как хочешь, приятель! До тех пор, пока ты так счастлив.

Фрэнки задавал себе не так много вопросов, как Джули. Для него, если он хорошо сидел в штанах, он должен был хорошо сидеть наверху.

– Бетти-красивая женщина, очень сексуальная, только это не в моем стиле. Накрашенная с головы до ног, ты же видишь, какая она. Слишком стереотипна.

– Ух ты! Месье подложил бомбу в свою постель, и вдобавок он жалуется! иронично посмотрел на своего друга, сверкая злобой.

– Не говори ерунды! Мы виделись всего несколько раз.

Он ответил резким голосом, чтобы скрыть смятение, читавшееся в его серых глазах.

– Она была и останется соседкой! И я уже говорил тебе, я не хочу вступать в длительные отношения. Особенно с таким персонажем, как Бетти, который любой ценой стремится быть идеальной роковой женщиной.

Мишель плохо переносил чисто плотские отношения с несколькими проходящими мимо любовницами. Фрэнки прекрасно это понимала.

– Ну же, перестань валять дурака! Ты мужчина. У всех мужчин есть потребности, вот как. Это нормально. И потом, ты не можешь вечно сопротивляться ухаживаниям секс-бомбы.

Мишель ответил на понимающий кивок и довольную мину своего друга, растянув губы в легкой улыбке. Фрэнки всегда будет Фрэнки : неисправимый шутник и большой болтун.

– Чего бы ты ни хотел, – вступил в напряженную беседу последний, между мужчинами и женщинами наблюдается очевидная разница в способах любить. Женщинам постоянно хочется больше ласки, нежности, внимания и бесконечных диалогов, чтобы уладить крошечный сердечный вопрос, который должен был занять всего несколько минут. Похоже, это убеди их, что мы задержимся на одной истории на два часа. Я люблю Джули, я люблю ее до безумия, но иногда я думаю, что счастлив тот, кому не приходится мириться с домашней жизнью. Мишель вздохнул. Его друг раздражал его

своей бесцеремонностью. Довольно часто его скороговорка сбивала его с толку.

– ... не делай этого, не делай этого... почему ты сказал Это прошлой ночью моему другу Натану?

Я бы никогда не позволил себе сказать это одному из твоих приятелей, я! Это было очень неуместно.

Он подражал Джули, когда она упрекала его.

– Каждый раз, когда я выхожу на улицу, мне кажется, что она меня слушает! Она пытается изменить мое поведение и черты моего характера! Надо полагать, она замечает мои недостатки только сегодня. Тем не менее, они не вчерашние! он хихикнул. Женщины не понимают, что мы, мужчины, стремимся сохранить определенную свободу! В детстве меня учили не плакать после падения, мне дарили футбольный мяч, боксерские перчатки, а моей сестре-обеда. С самого раннего возраста существует различие между пол в том, как себя вести. Таким образом, есть последствия для поведения каждого из них в дальнейшем.

– Ну ... я не знал, что ты такой философ.

– Да. При этом Джули права, – заявил он властным тоном, сильным от его

опыта. Тебе нужно двигаться дальше. Если эта женщина насмеяется над тобой, попробуй с ней приключиться!

Почему бы и нет?

– Нет, но с какой стати ты вмешиваешься в мои дела до такой степени ? восстал Мишель. Я больше не ребенок, ко-

торому диктуют, как себя вести. И потом, там нет страниц, на которых повернуть. Книга оставалась открытой настезь в тот день, когда она умерла! Произнося эти слова, Мишель поднялся на ноги. Стул царапнул пол террасы ресторана, как слеза, охладив пыл Фрэнки.

– Нет, подожди! – встревожился он, в свою очередь вставая. Что ты делаешь ?что ты делаешь? Не уходи так! не уходи!

– Забудь всю эту историю, Фрэнки, мне кажется, мы оба больше не понимаем друг друга. Фраза прозвучала как пощечина по щеке красивого итальянца. Он сразу понял свою ошибку.

Все еще преследуемый потерей Аполлины, Мишель оставался в том же настроении, что и семнадцать лет назад. Неспособный стереть боль.

Тот бросил на стол несколько купюр, чтобы расплатиться по счету.

– Ожидая... Мне очень жаль, мне не следовало пытаться навязать тебе свою руку. Но ты прекрасно знаешь, это из-за Джули, она беспокоится о тебе, она хотела бы, чтобы ты начал новую жизнь. Поэтому я пообещал ему, что расскажу тебе об этом.

– Послушай, Фрэнки, за прошедшие годы мое окружение изменилось это было давно и это нормально, но только не я! Тон его голоса стал жестче.

– Привычки исчезли вместе с ней, и все, кажется, напо-

минает мне, что на самом деле ее больше нет. Однако его отсутствие всегда причиняет мне боль. Я научился жить без нее, хотя все еще чувствую ее присутствие после всего этого времени. Ты понимаешь себя! Нет, я думаю, ты не можешь измерить то место, которое она занимала в моем сердце.

После этой длинной тирады он медленно вдохнул полной грудью, а затем очень устало продолжил:

– Я скажу тебе откровенно: после похорон Аполлины, когда прощание закончилось, жизнь других людей пошла своим чередом, в то время как моя остановилась там, в День Святого Валентина.

Иногда я думаю, что в смерти в День влюбленных все-таки есть что-то ироничное. Аполлинару же посмеялась бы над этим.

Одновременно охваченный угрызениями совести и пораженный внезапным признанием своего друга, черты Фрэнки осунулись.

– Я... я не знал, что ... – с трудом выговорил красивый итальянец.

– Что я все еще так сильно страдаю. Я знаю, Фрэнки, не в твоей натуре наблюдать за людьми. Я не сержусь на тебя, успокойся. Только я бы хотел, чтобы меня оставили в покое.

– Я все понимаю.

– Я благодарю тебя за это. Кроме того, Пожалуйста, скажи Джули, несмотря на всю мою нежность к ней и ее добрые намерения, что мое существование в полном порядке таким,

какое оно есть. И еще скажи ему, чтобы он прекратил вмешиваться в мою сентиментальную жизнь. Что касается тебя, то, поскольку ты даешь мне совет, у меня есть для тебя один : стань снова тем человеком, которого я знал!

С этими словами он отошел в сторону. Фрэнки застыл на месте с бледным лицом. Потрясенный.

– Положись на меня... я скажу ему, – прошептал он голо- сом без тембра, глядя, как он уходит. Чувство, что он позво- лил себе поддаться влиянию своей жены, привело его в ярость.

– Джули, нам обоим нужно немного поговорить, – проце- дил он сквозь зубы, забирая свои ключи от машины, лежа- щие на столе. Я действительно намерен высказать тебе свое мнение и навести порядок. Что касается Мишеля, я вернусь к нему до конца недели.

Он знал, что вся эта история была просто несущественной ссорой, тем не менее слова его друга смутили его. Внезапная и неожиданная смерть Аполлинаруии навсегда оставила след в Мишеле.

– И он прав, перестань немного хвастаться.

В тот день Мишель вернулся домой около двадцати двух часов. Начинала опускаться ночь. Он включил свет, бросил ключи на кухонный стол и опустился на бежевый бархатный диван. У него был изнурительный, бесконечный день, и ссо- ра с Фрэнки сегодня в полдень огорчает. Как он мог быть та- ким отвратительным со своим другом? спрашивал он себя.

Беззаботность Фрэнки и его удовольствие от жизни раздражали его. Нередко Мишель переходил от полной немоты в течение долгих дней к глухому гневу.

Застигнутый врасплох насильственной смертью Аполлины, шок погрузил его в эмоциональные страдания на несколько лет. Отказаться от привычек семейной жизни, согласиться больше не прикасаться к ней и видеть, как она просто живет в его мечтах или воспоминаниях, было невозможно. Это было нелегко. Внутренний путь к признанию потери был долгим и все еще не завершен. Поэтому, даже когда он вернулся в мир живых, несколько раз разочарование уступало место гневу.

Откинувшись на спинку дивана, вытянув руки за спиной, он изучал обстановку пристальным взглядом.

– Ничего не изменилось... – бросил он прерывающимся голосом.

Аполлине нравился этот необыкновенный дом, возникший из прошлого. Волшебная атмосфера, исходившая от особняка, расположенного на холме, способствовала романтизму. Покоренная любовью с первого взгляда, молодая женщина выбрала большинство материалов для ремонта : выбор светлого паркета для пола сочетался с лестницей из янтарного дерева и ее элегантными перилами, которые вели наверх.на открытой площадке.

Она мечтала полюбоваться солнечными лучами, пробивающимися сквозь мягкие занавески окон и отражающимися

на золотистом дереве. Мишель уступил, он никогда долго не сопротивлялся своим желаниям. Чтобы насладиться созерцанием ее прекрасных голубых зрачков, сияющих от счастья, он представил себе планировку большой спальни, выходящей прямо в огромную гардеробную, освещенную зеркалом.

Артистическая душа Аполлины и ее утонченная элегантность украсили дом.

Просторная и уютная комната на первом этаже была уставлена всевозможными скульптурами, занавесами в нежных тонах, от ламп, установленных на столиках в стиле ампир, создавая игру света на поверхностях, которые придавали этому месту немного сказочный вид по вечерам. Качественные картины, чаще всего повествующие о красоте природы, терпеливо расставленные в галереях в самом сердце старого Монмартра, покрывали кремовые стены. Именно там она находила свои жемчужины.

Раздается звонок телефона, вырывая Мишеля из его грез. Она долго звонила, не давая ему соизволить встать. Он знал, что это она.

Глава 5.

На другом конце провода Бетти нервно ждала, покусывая кончики своих

покрытых красным лаком ногтей.

– Возьми трубку... возьми трубку.... Ты не хочешь отвечать, но я знаю, что ты здесь... я могла бы подняться наверх, чтобы увидеть тебя, если бы ты не был таким непредсказуемым, – прошептала она томным голосом, выглянув наружу. Бетти, хозяйка знаменитого розового дома, расположенного на рю-де-Л'Ивуар внизу, занимала весь этаж старинного дома. Из ее окон открывался панорамный вид на особняк ее очаровательного соседа, расположенный на возвышенности среди рыжих виноградников. Она всегда следила за местонахождением Мишеля, даже при жизни Аполлинарии. Живя одна, Бетти часто разговаривала вслух.

– Я помню, как впервые увидела тебя, – прошептала она, томный взгляд по-прежнему устремлен в ее окно, как будто обращаясь к Мишелю. Это был день переезда. Ты несла большую картонную коробку и шла уверенной походкой по мощеной дорожке, которая вьется к дому. Твои обтягивающие джинсы и белая рубашка с открытой спиной они позволили мне мельком увидеть твою красивую мускулатуру. В тот день ты перевернул все мои чувства с ног на голову.

Очевидно, – продолжила она более жестким голосом, – я

не была удивлена, увидев выходящую из особняка молодую светловолосую женщину, которая шла тебе навстречу. Такой великолепный мужчина, как ты, не мог быть одинок. Все эти годы его любящий взгляд, исполненный любовного желания, жаждал сильной и безупречной любви, которая объединяла пару напротив. Никто в то время не мог догадаться о ревности который оживлял его. Поэтому, когда она узнала о смерти Аполлина, она не могла не радоваться, втайне надеясь, что когда-нибудь этот мужчина будет принадлежать ей. С этого момента вся жизнь Бетти вращалась вокруг Мишеля. Разочарованная, она повесила трубку.

– Мне несколько раз удавалось заманить тебя в свою постель. Я еще успею, – прошептала она, лаская его губы кончиками пальцев.

Его большие зеленые глаза, затуманенные глубоким желанием, одержимо смотрели на весь дом освещенная. У Бетти было много более или менее продолжительных приключений, однако она всегда заканчивала тем, что оставалась одна.

– Я терпеливая... я бы подождала, пока ты не будешь готов. У меня есть все свое время. Это красивое существо с мутной личностью, целый день проводившее за стойкой кафе-ресторана в розовом мезонете с удивительно зелеными ставнями, знало, как окружить себя преданными сообщниками. Она сообщала информацию своим клиентам, в основном артистам мужского пола, которыми манипулировала с помощью язвительной улыбки или вызывающего выпада,

чтобы удовлетворять его желания и выполнять его махинации.

Так она узнала имя Мишеля, а также имя Аполлинаруи и, узнав, что он англичанин по национальности, удивилась, что у него нет акцента.

Умело играя со временем, которое затягивает раны, она сплела настоящую паутину, которая связала ее с миром Мишеля. Ей даже удалось получить его расписание, которое она знала наизусть, а также его привычки. Это позволило ему стать находиться в то же время, что и он, в тех же местах. Благодаря вежливому обмену мнениями между соседями они, естественно, познакомились. Мишель проявлял дружелюбие и доброту по отношению к ней, регулярно здороваясь с ней. Быть галантным с женщинами было в его натуре.

Утешенная мыслью, что она может сделать его счастливым и заставить забыть об Аполлине, она придумала множество планов для их встречи. И она, наконец, добралась до своей цели.

День, когда ей впервые удалось заманить его в свой дом, навсегда останется в ее памяти на веки вечные. Когда она томилась по нему, в одиночестве лежа в постели, она повторяла про себя эти восхитительные сцены.

В тот вечер она терпеливо ждала его прибытия. Мишель только что покинул свою архитектурную фирму. Она знала, что он пойдет по этому пути именно в этот час.

В своем плане рыжеволосая красавица тщательно выбрала

конец недели, так как считала, что вечер пятницы подходит для расслабиться, отпустить, надеясь таким образом, что он отбросит свою волю и уступит ее желаниям.

– Добрый вечер, вежливо сказал Мишель, поворачиваясь к своей соседке, слегка замешкавшейся.

В двадцать два часа, в эту раннюю весну, мягко опустилась теплая ночь.

Яркие, ароматные цветы, которые украшали извилистую дорожку к дому Мишеля, увенчивали последние часы дня. Припарковав машину у старого сарая, с сумкой в руке, он собирался вернуться домой, когда заметил, что его соседка с трудом тащила большой мусорный бак к тротуару, сплетничая обо всех дьяволах.

– Вам нужна помощь?

– О, я не хочу вам надоедать! Но, честно говоря, это не было бы отказом. Она слишком тяжелая для меня, а мой кухонный клерк уже ушел. Этот не теряет времени даром! она пошутила с притворно смущенным видом.

– Оставьте, я это сделаю.

Глубокий тембр этого мужчины, такого соблазнительного, такого желанного, вызвал у рыжей мурашки по пояснице. Неся на расстоянии вытянутой руки большой черный мусорный бак к тротуару, взгляд Бетти следил за ним с явным увлечением.

– Пойдемте, вы вымоете руки.

У нее был похотливый голос со слегка низким тембром.

Мишель колебался.

– Подойдите ближе, пожалуйста, – умоляла она с очаровательной улыбкой. Вы оказали мне услугу, это все-таки наименьшая из вещей. Следуйте за мной, мои апартаменты наверху. Я превратил весь чердак в студию, это намного удобнее для работы, утром мне просто нужно спуститься вниз. На ней было серое платье-футляр, облегающее ее пышные формы. Разрез на правой ноге обнажал ее округлое упругое бедро каждый раз, когда она поднималась по ступенькам. Глядя на ее стройные ноги, Мишель удивлялся, как она может так усердно работать на шпильках.

– Чувствуйте себя как дома, на кухне есть все необходимое, чтобы вымыть руки.

Затем налейте нам чего-нибудь выпить, бар находится рядом с диваном. Я не знаю о вас, но я мне это очень нужно, день был изнурительным. По выходным в ресторане всегда намного больше людей.

Она выпалила свою тираду естественным тоном, как будто они давно знали друг друга, направляясь в ванную.

– Извини, но мне совершенно необходимо принять душ, чтобы избавиться

от этого дня. У меня есть это на минутку. Устраивайтесь поудобнее.

Мишель еще не произнес ни слова, она не оставила ему времени для ответа из опасения, что он объявит ей, что должен уйти. Несмотря ни на что, он остался, наблюдая за инте-

рьером этой шутливой соседки, умеющей привлекать мужчин.

Мансардная квартира в жемчужно-серых тонах была просторной, светлой и оригинальной. Современная мебель, красивые занавески на окнах, повсюду в большой гостиной создавали впечатление роскоши, легкости и чистоты. Настенные плакаты с изображением закатов или красочных пейзажей, которые заставляли взгляд путешествовать в далекие страны, украшали стены. Несколько кадров с великолепным видом на Манхэттен и небоскребы Нью-Йорка нашли свое отражение в этом шикарном и элегантном интерьере. Мишель сказал себе, что этот стиль художественного оформления подходит ему как нельзя лучше, потому что ее манера разыгрывать свои прелести не могла не напомнить ему о выступлениях Мэрилин Монро. Он не мог не заметить ее вызывающей походки, когда она поднималась по лестнице.

– Удивительно, кстати, что нет картин звезды...

Мишель был не из тех, кто издевается, но удобно устроился на диване в серый бархат, стакан виски в руке, он прошептал эти слова с легкой иронической улыбкой. Он был связан с миром финансов и жил в гораздо более реальной вселенной. Тем не менее, алкоголь помог, и он предался удовольствию от непринужденной атмосферы.

Конечно, после Аполлины он встречал других женщин, все они были безумно влюблены в него и готовы были разделить его жизнь, однако он позаботился о том, чтобы они

прошли через его жизнь, не останавливаясь на достигнутом. Так что, очевидно, для Бетти он не был обманут своими кознями. Если он забрался к ней в дом, значит, он этого хотел. Но он был далек от того, чтобы представлять, с кем имеет дело и что она готовит в ванной.

– Вы что-то сказали? спросила она ласкающим голосом. Я слышал, как вы говорили...

Мишель открыл изумленные глаза, не сводя с нее взгляда.

– Я подал вам Мартини, просто сказал он, протягивая ей бокал. Я предполагаю, что это то, что вы пьете...

– Спасибо... это очень мило, – прошептала она, пожирая его взглядом.

Ее накрашенные тушью ресницы обрамляли два больших зеленых глаза, больших от желания дикого, страстного секса.

Огненно-рыжая предстала перед Мишелем как богиня любви, возникшая из ниоткуда. Ее великолепное тело, прикрытое только прозрачным черным пеньюаром, позволяло увидеть красивую налитую кровью грудь в красном бюстгальтере того же цвета, что и ее мини-трусики. Пояс для подвязок из тонкого кружева, также красного цвета, удерживал швы чулка.

Покачиваясь на высоких каблуках, шаркающей походкой она подошла к Мишелю. Он молча созерцал ее. Ее рыжеватая кожа, красиво усыпанная веснушками на тонком носу и скулах, подчеркивала красоту ее лица. Ее большие, необычайно зеленые глаза заставляли его чувствовать, что она со-

бирается поглотить его. Когда она оказалась рядом с ним, она раздвинула ноги, сдвинула колени по обе стороны от его толстых бедер и села на него, выгнув таз и выпятив грудь.

Она воскликнула, принимая стакан у него из рук. Бетти сделала глоток, отставила стакан, затем поцеловала Мишеля в шею, расстегивая его белую рубашку. Когда она погладила его мускулистый торс и почувствовала его горячую кожу под своими жадными руками, горячая волна разлилась по ложбинке ее влажных бедер. Она сделала себя более похотливой. Его таз ходил круговой рябью. Мишель спустил тонкие бретельки ее халата и схватился за ее восхитительную, тяжелую грудь, которую она полностью отдала ему, его прекрасные серые блестящие глаза, затуманенные огнем, который горел в сердце. Охваченный приступом лихорадки, он уткнулся лбом между ее отяжелевшими, увеличившимися от удовольствия грудями и осыпал их жадными поцелуями. Мишель отказался от любви, он погрузился в разрушительное чувство отсутствия и одиночества. Если он причинил себе вред своим сердцем, то физический недостаток был вполне реален, с которым он не мог бороться.

Ранним утром, проснувшись, он увидел свою хорошенькую соседку в полумраке спальни, куда они пришли продолжить свои любовные игры. Ее великолепные рыжие волосы распростерты на теплых простынях. Она выглядела моложе, но отблески рассвета, освещающие комнату, позволяли угадать лицо зрелой, все еще красивой женщины, слишком

измученной.

Он помнил, как, охваченный сильным желанием, он пронес ее через всю спальню, обхватив ее упругие округлые ягодицы, когда она, выйдя из-под контроля, схватилась за его бедра и обхватила его мускулистыми ногами. Он уложил ее на кровать, осторожно сдвинул с нее шлепанцы, затем ее маленькие атласные трусики. Тело Бетти трепетало от нетерпения, в то время как ее дыхание учащалось. Лихорадочный, Мишель снял джинсы и избавился от рубашки, созерцая возвышенную фигуру с аппетитными формами. Он ввёл в неё свой член, и она вздрогнула. Её глаза широко раскрыты, и истома наполнила дыхание. Кровать проминалась под телом Бетти. Стоны возбуждали. Нежная, как мед, кожа, больше похожая на тигрицу, чем на киску, она покусывала его мочку уха, затем облизывала кожу и часами занималась сексом, шепча ему нежные слова:

« Мой возлюбленный, мой прекрасный возлюбленный... я так тебя люблю » " « я знаю, что это ты, только ты... »

Никогда еще Мишель не испытывал такого сексуального влечения. Он не мог объяснить себе это явление влечения и не вызывало у него желания. Однако в какой-то момент прекрасная Бетти напомнила ему ангела.

Сидя верхом, катаясь на его обнаженном теле, она с улыбкой провожала его взглядом.

– Иди ... иди сейчас же.

Она выгнулась дугой, издав жалобный звук, когда он про-

ник в нее, а затем быстро взяла на себя управление. С живыми, живыми глазами она ускорила движение, рабыня чрезмерной любви, отдаваясь в полной отдаче, потрясенная пылким наслаждением.

Большие зеленые глаза рыжеволосой, как когти орла, зацепились за взгляд мужчины, лежащего в теплых простынях, подстерегая проблески наслаждения. Несколько раз в течение ночи Мишель брал ее в жарких, жадных позах, тех, в которых она предпочитала, тех, о которых она просила. И Мишель заблудился в распутном безумии Бетти. Разрушительная страсть, владевшая ею до экстаза, обеспокоила Мишеля.

В ту ночь она попыталась поцеловать его в губы. Каждый раз он отказывался, отворачивая голову. В конце концов Бетти поняла, что он этого не хочет. Ни одна другая женщина, кроме Аполлины, с тех пор не целовала Мишеля в губы. Ему хотелось сохранить на своих губах воспоминание об их последнем поцелуе. Как жаль! Вспыльчивая Бетти с удовольствием проглотила бы его язык так же, как она проглотила его сексом.

Когда Мишель вышел из Розового Дома, свежий воздух благоухал ароматом цветов в его саду. Цветы Аполлины, те, которые она с любовью посеяла. Он чувствовал это защемление в сердце. Небо окрасилось в золотой цвет, предвещая великолепный солнечный день. Однако этим утром, ослепленный красотой природы, он уже сожалел о том, что сделал. Сцены из того, как жаждущая секса Бетти возвращалась

к нему в памяти, заставляли его чувствовать себя неловко. Теперь близость ее дома раздражала его.

Для Мишеля соседка была чужой. На самом деле они знали друг друга всего несколько часов, в то время как для Бетти, которая возвела ее в ранг богов, эта ночь была апофеоз, заключительная часть долгой карусели, которую она затеяла с единственной целью, чтобы он оказался в ее объятиях. Смесь славы и света осветила ее ночь, воображая, что он осветит ее жизнь.

– Я пойду приму душ и больше никогда не увижу эту женщину. Кроме того, она живет слишком близко от моего дома.

Он с наслаждением вспоминал обжигающую струю воды, скользющую по ее коже, словно она могла стереть все. Ему было противно так думать, он тоже этого хотел. Тем не менее, он испытывал ощущение неприятно чувствовать себя пойманным в ловушку гигантской паутины. Чувство удовлетворения первичных потребностей с этой женщиной нарушало его эмоциональные мысли по отношению к той, которую он любил.

Тем не менее, он несколько раз возвращался в паутину Бетти. Прибегая к хитрости, прибегая к уловкам без каких-либо угрызений совести, как только он пришел к ней домой, она налила ему стакан, а затем два...

Наслаждаясь воздействием алкоголя, своими мужскими слабостями, а также своим одиночеством, сладострастная Бетти выходила на сцену, раскрывая свои прелести и тайну

своей личности.

Мишель позволил себе расслабиться.

– Если у нее отключится электричество, скажи ей, чтобы она вызвала электрика, как и все остальные!

А плотники – это не для собак! – возразил Фрэнки.

Мишель пил кофе, сидя за столиком своего друга в их маленькой уютной квартирке на улице Габриель, недалеко от дома номер 49, где в 1900 году проживал знаменитый художник Пикассо. Джулия пригласила его поужинать с ними как-нибудь вечером на неделе, как это часто бывает, на этот раз не представив ему подругу. Фрэнки преподал ей урок, а Джули научилась обсуждать проблемы от его лучшего друга, когда он протягивал ему шест. Сегодня вечером Мишель упомянул о Бетти.

– Я знаю, но я не могу отправить его на прогулку в таком виде. Она несчастная женщина.

Теперь, когда я знаю ее лучше, она причиняет мне боль.

– О, вот оно что! Женщина, которая причиняет боль. Это не очень хорошо. Такая девушка цепляется до тебя безнадежно, – заявил Фрэнки, с нескрываемым удовольствием затягиваясь толстой сигарой.

Клубы дыма наполняли столовую, запах вызывал у Джулии дискомфорт. За ее все еще с каштановыми и гладкими челками, она прищурила глаза такого же глубокого темно-синего цвета, как и раньше.

Джули настаивала, чтобы он бросил курить, но Фрэнки

время от времени позволял себе сигару. К тридцати шести годам у него появилось несколько морщинок вокруг глаз, которые подчеркивали очарование красивого итальянца с темными глазами и золотистой кожей. Пожарный позаботился о нем: бегал каждое утро, занимался бодибилдингом в помещении, наносил увлажняющий крем на лицо... Поэтому он слушал свою жену со скрытым интересом, когда она посоветовала ему прекратить закурив, если бы он не хотел оказаться таким же сморщенным, как старый засохший чернослив. На этих последних словах она разразилась издевательским смехом. Джули знала свои слабые места и пользовалась ими.

– Я делаю еще несколько затяжек и тушу его, дорогая, – прокомментировал Фрэнки, догадываясь о ее отвращении к дыму, свободно струящемуся у нее из ноздрей.

Ему не нравилось расстраивать свою жену. Тем не менее, иногда он стучал кулаком по столу, чтобы успокоить свою естественную власть. Как разумный и умный человек, Джулия согласилась на конфронтацию и часто ставила себя под сомнение. Внутренне она знала, что они дополняют друг друга.

– Почему ты говоришь, что она несчастна? Что заставляет тебя так думать? допрашивало...

– Заинтересовалась Джули.

Прежде чем стать учительницей, молодая женщина начала изучать поведенческую психологию, а затем, в конце концов, обратилась к детям, подсознательно чувствуя, что ей придется изо всех сил пытаться зачать своего ребенка, кото-

рый не спешил приходить.

– Это трудно объяснить, Бетти нелегко дается. В ней расматриваются только банальности. За ее спокойствием я угадываю, что она контролирует свой разговор и свои эмоции.

Иногда, когда она звонит мне по телефону и предлагает спуститься к ней, а я отказываюсь, я чувствую, как она подавляет свою импульсивность, замаскированную сдержанным голосом и нежными, тщательно подобранными словами. Я даже представляю, как он любезно улыбается на другом конце провода.

– О, какая она жуткая эта цыпочка! Уволь меня от этого!

– Перестань так говорить, Фрэнки, это не то, что говорят друг другу, – проворчала Джули, легонько хлопнув его по бедру. Продолжай, Мишель.

– Мне трудно понять, почему она так себя ведет. Она никогда не позволяет проявляться спонтанности. Даже его движения просчитаны, изучены. Я не знаю Бетти в натуральном виде. Всегда есть это желание угодить, улыбаться и постоянно соблазнять. Интересно, откуда это у него взялось. А потом она меня чрезмерно балует ; не переставая льстить мне, делать мне комплименты. Это неудобно и утомительно до предела. Мне это не нравится.

– Ты не должен терзать себя подобными отношениями. Если ты больше не хочешь ее видеть, скажи ей ! – отрезал Фрэнки.

– Ты знаешь меня, Фрэнки, – защищался Мишель, – я сде-

лаю это. Просто я не хочу ее расстраивать, я не тороплюсь убирать за ней, это предпочтительнее. Я искренне верю, что это хрупкий человек, способный наделать глупостей.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Мишель, – сочувственно заметила Джули. Ты говоришь себе, что воспользовался ею, вот почему ты берешь перчатки. Я знал тебя более ясным и уверенный в своих убеждениях. Так что опасайся, как бы она не воспользовалась ситуацией и твоими мужскими слабостями. Погруженный в свои размышления, Мишель кивнул, машинально чиркая зажигалкой.

– Некоторые женщины не такие, какими кажутся. Самые холодные и спокойные обычно самые грозные, – настаивала Джули, заметив беспокойство, охватившее Мишель, когда он раскрыл тревожную личность Бетти.

– Ситуация более сложная, чем это, это не похоже на то, что она живет в пятнадцати или двадцати шагах от моего дома! Там я мог бы хлопнуть дверью и больше никогда ее не увидеть. Бетти живёт в доме, соседнем с моим. Слишком близко, на мой вкус. Я думаю, что она следит за моими передвижениями за ее окнами. Я никогда не должен был уступать этой женщине.

– Я все понимаю. Это милое здание, расположенное на возвышенности, вдали от мира, – твое гнездо, там, где ты жил с Аполлиной. Ты хранишь там все свои воспоминания. На нем выгравирован его отпечаток, в то время как пусть дом внизу напомнит тебе, что ты всего лишь мужчина. У тебя нет

причин винить себя, Мишель. Только, на мой взгляд, тебе следует без промедления положить конец этим отношениям. Эта Бетти кажется мне эмоционально неуместной. Обычно это плохой знак.

Глава 6.

В эти выходные солнечные лучи согревали фасад прославленной средней школы Св. Жан де Монмартр был основан в далеком прошлом благодаря дочерям милосердия, группе монахинь, которые посвятили свою жизнь служению больным, бедным и обучению.

Когда в мирной тишине улицы Коленкур раздался звонок в дверь, толпа учеников в радостном возбуждении выбежала из классов. Толпа хлынула во двор и некоторые уже переступали порог заведения. Неделя подходила к концу, и весь второй половине дня не было ничего, кроме оживленных обсуждений планов на выходные. Кассандра улыбалась, весело махая рукой.

– Ты закончил делать милое сердцу дело! пошутила Гвендолин, ее лучшая подруга.

– Я должна поприветствовать своих женихов, – передразнила ее Кассандра.

– Я жду тебя, – нетерпеливо начала Гвендолин через некоторое время.

Обращенные ко всем этим взволнованным головам над волной учеников, большие глаза голубые, как океан, глаза Кассандры сияли от удовольствия. Смешанные девочки и мальчики адресовали ему улыбки, рукопожатия и заговорщицкие подмигивания, по большей части мальчики были

очарованы его блеском. Жадная до жизни, девушка очаровывала свой маленький мирок своей легкостью, жизнерадостностью и бодростью духа. Девочке-подростку нравилось развиваться в кругу своих друзей. Она чувствовала себя живой, полезной и настоящей. Все эти мужские почести, отданные ее великолепной красоте, превозносили ее чувственность до предела кожа. Одноклассники по-новому взглянули на ее юную особу, что освободило ее от хватки отца, от подчинения матери, а также от всех этих любопытных взглядов, бросаемых людьми по соседству. Пойди и узнай почему, Кассандра стала мишенью для всех этих старых добрых женщин в деревне. Темные глаза, полные тайн, смотрели на нее каждый раз, когда она прогуливалась по мощеным улочкам маленького Монмартра, что делало повседневную жизнь молодой девушки необычной. Тем не менее, со временем она привыкла к этому.

– Вот и все, я вся твоя, моя Гвендолин, – бросила Кассандра, лукаво подмигнув ей.

– Это всегда одно и то же, ты тратишь часы, чтобы попроситься со всеми каждые выходные.

– Не ревнуй, пожалуйста!

– И ты ничего не говори, я не ревную! У меня тоже есть своя аудитория!

Обе подружки сильно отличались одна от другой. Обе очень хорошенькие.

Гвендолин была воплощенным спокойствием и серьезно-

стью. Эта миниатюрная брюнетка с волосами средней длины у нее был великолепный загорелый цвет лица, такой же, как в последние дни лета. Очаровательные пятна от нее блестели на ее скулах, освещая темный теплый взгляд. Ее пышные формы и пышная грудь прекрасно сочетались с беззаботным темпераментом и восхитительной непринужденностью, в то время как стройная, стройная Кассандра была отражением яркой блондинки с длинными волосами и фарфоровым цветом лица.

Обе девушки вместе проделали небольшой путь до перекрестка, на котором они оставляли друг друга каждый вечер.

– Ты зайдешь ко мне после еды, как договорились? – спросила Гвендолин, сворачивая на ивовую улицу.

– Да. Я не могу дождаться, чтобы быть там, – сказала Кассандра взволнованным голосом.

– Не забудь взять с собой кассету с "Титаником", особенно. Мы видели ее три раза в кино, но я все еще люблю ее так же сильно. Это действительно прекрасная история любви.

Обе молодые девушки были в восторге от того, что проведут ночь с подругами.

– Я приму душ, соберу свои вещи и устрою нам ночлег!

Они обменялись коротким рукопожатием, сопровождаемым понимающей улыбкой, прежде чем отойти каждый в свою сторону.

– О, привет, Кассандра!

Кассандра обернулась и стала ждать своего друга Джорда-

на, который бежал по улице, чтобы догнать ее.

– Скажи мне, мы идем сегодня вечером в кино всей группой, ты не против пойти с нами?

Откровенная улыбка мальчика с ультрасовременными белыми зубами отражала импульс, полный надежды.

– О, это очень мило, что ты предлагаешь мне это, Джордан, недостатком является то, что я уже забронировала свой вечер. Я сплю у Гвендолин. Мы взяли напрокат кассету в музыкальном клубе.

Кассандра ответила ему легкой извиняющейся улыбкой. Хорошенькая мимичка нахмурила свой тонкий носик в качестве оправдания. Девушка тщательно подбирала слова и тон своего голоса, обращаясь к своему другу. Все в старшей школе знали, что Джордан всегда был безумно влюблен в нее, и это было с начальной школы. С того драгоценного момента встречи мальчик бродил вокруг Кассандры, как Скорбящая душа, не смея открыто заявить ей о своем влечении. В последующие годы несколько робких попыток были отбиты любезно предоставленной Кассандрой, она внушила ему осторожность. Джордан надеялся, что со временем девушка научится ценить его как жениха, а не как товарища.

Для Кассандры друзья, семья и дружеские отношения в обществе были надежными ценностями, которые имели для нее большое значение. Его сердце было щедрым, а душа сентиментальной. Из-за этого она была склонна прислушиваться к своим эмоциям больше, чем к разуму, что очень часто

ставило ее в неловкие ситуации, как с Джорданом, на которые она не решалась отталкивать. Долгие годы она жалела его, чтобы не причинить ему боль, надеясь, что в конце концов он устанет.

И все же Джордан был очень красивым мальчиком. Его загорелый цвет лица, пепельно-русые волосы и соблазнительная улыбка делали его похожим на молодого дебютанта в сентиментальной роли в кино.

– Ладно, тогда мы займемся этим в другой раз,-пробормотал он разочарованно. Если хочешь, мы могли бы...

– Ты сделаешь со мной долгий путь?

Кассандра предпочла резко прекратить дискуссию. Компания Джордана его нравилась такой, какая она была. Мягкость и искренность, которые он проявлял по отношению к ней, были важны в ее жизни. Ей нравились их долгие разговоры и интерес, который он проявлял к ней, так же, как и его преданность. Никогда Джордан не стал бы повторять ее уверений. Кроме того, связь, которая связывала этих двоих, и дружеский пузырь, в котором они развивались, чтобы защитить себя от мира, заставляли говорить не об одном.

Когда наступил вечер, обе девушки проговорили до поздней ночи при тусклом свете уличных фонарей. прикроватные лампы. Комната Гвендолин, оформленная в мягких тонах, с уютным комфортом, не менялась с тех пор, как она была ребенком. Консервативная, верная своим принципам, она стремилась сохранить нетронутым место своих юных вос-

поминаний. В центре внимания был нежно-розовый цвет, а куклы, мягкие игрушки и подушки занимали видное место.

Обе подружки любили устраивать такие маленькие вечеринки только вдвоем. После просмотра фильма, который они выбрали в музыкальном клубе в конце дня, они разговаривали, смеялись, громко хохотали, пока отец Гвендолин, Ричард, не рассердился и не проворчал : « это еще не скоро закончится, да! Мы бы сами хотели хорошо выспаться! "

Мгновенно успокоившись, они спустились в ванную, сдерживая свой безумный смех в безмолвном доме. Они обе были немного детьми, инфантильными в пижамах, темный дом принадлежал им в беззаботности юности и ночном веселье. Холодильник, шкафы были обязательным предметом для осмотра и еще одной причиной приглушенно хихикать из-за шума, который он производил. Нужно было сделать больше. Гвендолин порадовала себя, запланировав целую кучу вкусностей, которые можно перекусить, чтобы украсить вечер. Кассандра делала то же самое, когда Гвендолин приходила ночевать к ней домой.

Когда, наконец, их жажда глупостей была утолена, их усталые глаза требовали сна, они скользнули в теплые простыни с общим счастьем.

Затем они начали долгую беседу шепотом о последних свежих сплетнях в старшей школе.

Требовательные и прилежные обе, желание превзойти себя, добиться успеха в учебе, а затем их профессиональная

жизнь была ценностями, которые присутствовали как у одного, так и у другого. Взаимная черта характера, которая спланивала их как в взаимопомощи, так и в трудностях. Кассандра хотела преподавать, а Гвендолин намеревалась защищать право и справедливость, став адвокатом. В течение ночи, конечно, обсуждалось неуместное отношение некоторых девочек в старшей школе, прежде чем они перешли к мальчикам.

– Я месье Кротар, мой учитель математики, которого я обожаю! – призналась Кассандра взволнованным голосом. Он такой привлекательный. Я не понимаю, как такой красивый мужчина может носить такое уродливое имя! Это звучит плохо.

– Месье Кротар? Я согласен, он великолепен, но он намного старше нас, ему должно быть не менее сорока лет.

– В этом нет ничего неприятного.

– Это не то, что сказал бы твой отец, который так набожен и принципиален. Тебе лучше заинтересоваться Джорданом. Я не понимаю, почему ты отталкиваешь его. У него есть все для себя, он потрясающе красив, он нежный, внимательный, умный. К тому же он тебя обожает.

– О, не начинай снова ! она поспешно упрекнула его.

– Тише, говори тише.

– Джордан-мой друг, – прошептала Кассандра с глубокой искренностью, – я не хочу разрывать эту дружбу или причинять ему боль впоследствии, если у меня больше не будет

желания встречаться с ним. А потом я ищу в мужчине что-то еще.

– Я знаю, я знаю, ты мне это уже говорила, – мягко рассмеялась Гвендолин. Тот, кого ты ждешь, станет любовью всей твоей жизни. . . ты видел это в своих снах, ты чувствуешь это своей душой и своей плотью, Гвендолин подобна правильно выученной декламации.

В конце своей фазы она хихикнула ему в шею, потому что Кассандра отвернулась от нее, чтобы дать ему понять, что ей надоели его насмешки и этот разговор о Джордане, который регулярно возвращался на ковер, а затем, смеясь, она пощекотала его живот.

– Да ладно тебе, не морочь голову. Повернись ко мне, пожалуйста, мы больше не будем это обсуждать, обещаю. Кассандра обернулась. Лицом к лицу, почти нос к носу, прижавшись друг к другу, они улыбались друг другу.

– Но все равно, до чего же старомодным ты иногда можешь быть. Я менее сложная только ты. Я хочу мужа, детей и прекрасную работу.

– Да, я знаю. Прекрасная свадьба, красивый дом, дети, собака и две кошки!

Кассандра хихикнула.

– О! Перестань издеваться, если хочешь!

Кассандра изобразила озорную улыбку, приподнялась на одном локте, а затем разразилась длинной пламенной тирадой:

– Ну а я хочу познать великую любовь, испытать разрушительную любовную страсть, я хочу любить без каких-либо условий, безгранично, неуловимой, слитной любовью ! Я хочу испытать острые ощущения, увидеть пламя, горящее во взгляде другого !

Мелодраматический тон, которым говорила Кассандра, привел Гвендолин в бешенство.

– До чего же ты можешь быть сентиментальной. Мне кажется, ты читаешь слишком много английской литературы.

– А ты что можешь быть приземленным! Давай, мы сейчас спим.

На следующее утро... Мать Гвендолин постучала в дверь.

– Давай, вставай там! Вставайте, уже поздно!

– Но, мама ... – всхлипнула Гвендолин, зарывшись лицом под одеяло.

– Я ничего не хочу слышать! его прервала Жизель. Это прекрасно-вести себя как сумасшедшие малышки ночью, но утром надо вставать, я бы хотел, чтобы ты сходила за хлебом в булочную.

Поторопись, скоро полдень. Вам только нужно было не ложиться спать так поздно!

Три четверти часа спустя, с опухшими от недосыпания глазами, две молодые девушки стояли на пути к пекарне.

Было прекрасное солнечное утро. Мягкий, восхитительно теплый ветер дул в высокие ясени, росшие вдоль улицы Сент-Винсент. Яркая звезда сопровождала его своими

золотистые блики отражались на медовых волосах Кассандры, струившихся по ее плечам в такт ее грациозной походке. Небесно-голубое небо над холмом заливало окрестности своим лазурным светом, создавая впечатление, что на смену куполу пришел океан.

По пути они встретили пожилую женщину, которая забавно смотрела на Кассандру, отчего у молодой девушки похолодело сердце.

– Ты видел, как она на меня смотрит? – прошептала Кассандра.

– Очевидно, не все так знамениты, как ты! радостно бросил Гвендолин.

– Ты действительно думаешь, что это из-за этого?

– Конечно, конечно! По какой еще причине, если не по какой другой?

– Может быть, ты и прав.

В нескольких шагах от него снаружи стоял Мишель. Одетый в старые джинсы, с обнаженной грудью под полуденным солнцем, он усердно пилил дрова, а затем складывал бревна, прислоненные к старому сараю в нижней части дома, в ожидании следующей зимы.

В то же время, будучи очень занятой обслуживанием своих клиентов в своем розовом ресторане, Бетти жадно заглядывала в каждое окно, упиваясь энергией Мишеля, с которой она выглядывал из-за плитки. Его мускулистая фигура, напрягшаяся от усилий, его золотистая кожа, сияющая в лу-

чах яркого солнца, сводили с ума его большие зеленые глаза.

Внезапно внизу на улице раздался кристально чистый смех, эхом разнесшийся, как нежная мелодия, сквозь кроны деревьев, пронизывая разум Мишеля, захватывая все его существо. Наступила тишина, ватная, странная, пронизывающая тишина, в которой тонули далекие звуки деревни. Острая, почти болезненная эмоция сжала ее сердце в груди когда он выпрямился, погрузившись в почти сверхъестественное замедленное движение. Лихорадочный, с затуманенным рассудком, он искал взглядом, откуда взялись радостные вспышки. Две молодые девушки, легкие, как дуновение ветерка, скрылись за деревьями, росшими вдоль улицы. Среди редкой листвы Мишель угадал тонкую, стройную фигуру молодой женщины с золотистыми волосами.

Когда он снова услышал тембр ее голоса, по его телу прокатилась волна дрожи. Потеряв чувство реальности в эти застывшие мгновения, Мишель теперь слышал только голос Клэр пробиралась сквозь растительный барьер.

– Это все из-за тебя! – воскликнула Кассандра, смеясь, – мы приглашены на вечеринку, а ты спрашиваешь, предупредила ли она своих родителей!

– Конечно, конечно! Родители Офелии уезжают на трехдневные выходные, и Офелия использует это время, чтобы устроить вечеринку. Представь, что они не знают об этом и возвращаются неожиданно! Я не хочу быть замешанной в такого рода инцидентах.

– Ну, госпожа адвокат, защитник справедливых дел! засмеялась Кассандра, имитируя воинский салют, сияющее лицо. И когда у нее намечается этот вечер?

– Через три недели, к 14 июля. Если бы ты видела роскошную квартиру его родителей! Она уже пригласила меня к себе домой. Это совершенно новая резиденция, которая полностью занимает верхний этаж в здании из тесаного камня, построенном в 19 веке, с балконом со всех сторон, видом на крыши Парижа и Сакре-Кер, пожалуйста. Маленькое чудо!

Со стороны розового дома...

– Но на что он так смотрит?

Сидя за своей плиткой, Бетти наблюдала, ее большие зеленые глаза, полные беспокойства, были прикованы к странному поведению Мишеля. Неподвижно стоя среди разбросанных по земле бревен, глубоко обеспокоенный, пила выскользнула у него из рук, даже не заметив этого.

Тело трепетало от эмоций, искра надежды, столь же печальной, сколь и безумной, светилась в его серо-голубых глазах, когда он следил за грациозной танцовщицей, которая удалялась быстрыми шагами, проносясь между деревьями, как перышко на ветру, воображаемое существо, окутанное прозрачностью света теплая от солнца. Жаркий воздух танцевал вдалеке, тревожа его зрение. Только когда обе подруги исчезли за углом проспекта, все успокоилось.

В этот момент он осознал абсурдность той надежды, которая зародилась в его сердце в тот самый момент, когда он

услышал смех девушки. Ни на секунду не в силах отбросить эту надежду, он злился на себя.

– Аполлина умерла семнадцати лет от роду, черт возьми! Как ты можешь хоть на секунду поверить, что она может ходить по улице! он горько упрекал себя.

Глухое рыдание вырвалось из ее горла, быстро подавленное. Тот факт, что он громко произнес имя Аполлины и высказал предположение, что она может появиться живой внизу в его доме, окончательно его расстроил. Яростным жестом он вытер слезу, скатившуюся по ее щеке. Во втором состоянии он вернулся к работе.

Неподалеку, за своими длинными ресницами, накрашенными тушью, забыв о своих клиентах, Бетти не сводила с него глаз. Ревность, смешанная с любопытством, грызла кончик своих накрашенных красным лаком ногтей, наблюдая за Мишелем.

– Я непременно узнаю, что его так заинтриговало, – прошипела она кончиками своих пухлых губ.

Ответ не заставил себя ждать...

Кассандра и Гвендолин, на этот раз более молчаливые, нагруженные тремя палочками для еды, шли тем же путем в обратном направлении.

Ангельский взгляд Кассандры блуждал по цветущей природе. Погрузившись в задумчивость, она подняла голову, чтобы взглянуть на бескрайнее небо, когда ее голубые глаза остановились на доме, возвышавшемся на холме. Это бы-

ло красивое нестареющее здание, очень элегантное, которое принадлежал прошлому веку. Она нашла его безумно очаровательным с его голубыми ставнями и вьющимся плющом. Пока она шла, она внимательно изучала его, выглядя заинтересованной. Расположенный на вершине холма, древний особняк притягивал его, гипнотизировал... Ей хотелось приблизиться к нему, проникнуть внутрь. Кассандра родилась в деревне, в нескольких кварталах отсюда, но она никогда не проходила здесь пешком, однако это место показалось ей знакомым.

– Кто живет в этом доме? спросила она свою подругу.

– Это дом Мишеля.

– Мишель?

– Да, это он там.

Взгляд Кассандры скользнул по светящемуся винограднику, спускавшемуся по склонам. Его яркие от волнения глаза остановились на человеке, который укладывал бревна.

– Да, я согласен с тобой, он просто великолепен!

Краем глаза Гвендолин увидела, как Кассандра пришла в смятение. Это его позабавило.

– Разве ты не знаешь историю о вечных любителях рыжих лоз?

– Нет, – ответила Кассандра, не спуская глаз с напряженного мужчины.

– Ты действительно единственная.

– Давай рассказывай, не заставляй себя упрашивать, ты

разожгла мое любопытство.

Гвендолин доверила ему рассказ о влюбленной в друг друга паре, которая жила в доме на холме, а затем о трагическом происшествии с Аполлиной в День Святого Валентина. Она сообщила ему, что Мишель так и не оправился от этого и что до сих пор по вечерам местные жители слышат любимую музыку Аполлинару, разносящуюся, как секунды над гнездом вечных влюбленных.

– О, это ужасно грустная и прекрасная история о смерти, – прошептала Кассандра голосом, задыхающимся от лихорадки, бегущей по ее венам.

Ее сердце забилося в молодой груди, в то время как по ее телу пробежали головокружительные ощущения, словно вызванные смутным воспоминанием. Она не могла объяснить себе этого явления и не хотела этого. Она списала это на страсть, которую она почувствовала, когда увидела в этой истории, как в подаренном поцелуе.

– Подожди, ты не знаешь, что будет дальше. Ходят слухи, что в тот день, когда Аполлинурия скончалась в больнице, она, как сообщается, взорвала его : « если ты слишком долго будешь приезжать ко мне, я вернусь, любовь моя... » Сыграв в игру до конца, Гвендолин наклонилась к его плечу и весело прошептала ему на ухо последние слова.

– О, это прекрасно!

– Да, такой красивый! Теперь ты понимаешь, почему их называют любителями рыжих лоз. Самым очаровательным в

этой истории было то, что Мишель так и не оправился с другой женщиной. Я нахожу это таким романтическим, ужасно сентиментальным, – маленькая брюнетка упала в обморок с мечтательным видом.

– Кто рассказал тебе эту историю? спросила Кассандра.

– Это моя мама, ты ее знаешь, она страстная женщина! сказала она, смеясь. Ты согласишься мне, если я скажу тебе, что по вечерам она читает те ужасные романы-сериалы, которые еженедельно появляются в газете? Итак, ты понимаешь, она всегда была очарована этой встречей, которая начинается как чудесная сказка и заканчивается трагически в День Святого Валентина. Из в любом случае, все на Монмартре знают историю Аполлины и Мишеля. Я, кстати, удивлена, что ты не в курсе. Твоя мать никогда не говорила тебе об этом?

– Нет, и это меня тоже удивляет. Мои родители не являются уроженцами Монмартра, но они жили здесь задолго до моего рождения.

– Возможности просто не представилось, – заключила Гвендолин.

Разговаривая, Кассандра с явным увлечением наблюдала за Мишелем. Ей безумно хотелось познакомиться с таким мужчиной, как он, и испытать такую же, такую же глубокую любовь.

– Эй! Что с тобой происходит? Не останавливайся вот так посреди улицы!

Невежливо так смотреть на людей. Пойдем, он нас увидит. Сама того не осознавая, Кассандра застыла на месте, неудержимо влекомая Мишелем.

Он не заметил этого. Однако другой человек наблюдал за ней, прячась в тени занавесок. Бетти смотрела на нее своими большими зелеными глазами, горящими от ревности. Ее длинные вьющиеся рыжие волосы пылали под лучами солнца, проникавшими в ее окна, она казалась под во власти какого-то инстинкта ярости, который должен был взорваться с минуты на минуту.

– Значит, он только что смотрел на тебя, -прошептала она, не скрывая враждебности в своем голосе, в то время как его взгляд пылал ненавистью. Это дочь Жюля Морина ! Но да, это действительно малышка Морин.

Бетти очень быстро надела свои очки, которые висели на ней, а затем принялась подробно описывать девушку, когда ее сердце учащенно забилося в груди. Ее охватила крайняя нервозность.

– Нет, это невозможно! Я не могу в это поверить, – прорычала она с застывшим от ужаса лицом. изумление. Затем Бетти, казалось, заглянула в его память. Какую причину она искала в своих воспоминаниях?

Что такого исключительного она увидела ?

– Если только...

– Бетти ! Какого черта ты так бормочешь? ее окликнул мужчина, сидевший в баре. Когда ты собираешься выпустить

ее из своего окна ? Здесь есть клиенты, которые хотят пить!
Я все еще жду своего пива.

– Да, да, все в порядке, я иду! Я налью тебе пива, и ты сможешь нести его, куда я думаю! – возразила рыжая серьезным голосом с вульгарными интонациями.

Импозантный мужчина, сидевший за стойкой, завсегда-тай, привыкший к перемене настроения хозяйки, не обиделся, напротив, он фыркнул с насмешливой улыбкой на губах:

– Что ты видела за этим окном, Бетти?

– Ты, кажется, не так хорошо говоришь...

– Поторопись, Кассандра, пойдем, я говорю тебе, что он идет к нам.

– Да, ты права... извини, я не знаю, что на меня нашло. Именно эта история беспокоила меня.

Кассандра позволила себе в последний раз взглянуть на себя, прежде чем с сожалением уйти.